

БАРОН
А. И. ДЕЛЬВИГ

*Мои
воспоминания*

Том 2

Андрей Дельви́г

**Мои воспоминания.
Том 2. 1842-1858 гг.**

«Нестор-История»

1871-1878

УДК 929
ББК 63.3(2)47

Дельви́г А. И.

Мои воспоминания. Том 2. 1842-1858 гг. / А. И. Дельви́г —
«Нестор-История», 1871-1878

ISBN 978-5-44691-397-8

Второй том новой, полной — четырехтомной версии воспоминаний барона Андрея Ивановича Дельви́га (1813–1887), крупнейшего русского инженера и руководителя в исключительно важной для государства сфере строительства и эксплуатации гидротехнических сооружений, искусственных сухопутных коммуникаций (в том числе с 1842 г. железных дорог), портов, а также публичных зданий в городах, начинается с рассказа о событиях 1842 г. В это время в ведомство путей сообщения и публичных зданий входили три департамента: 1-й (по устройению шоссе и водяных сообщений) под руководством А. И. Рокасовского, 2-й (судоходство и публичные здания), до этого существовавший 2 года при исполнительном директоре статском советнике Владимирове и как раз в 1842 г. преобразованный в Департамент хозяйственных дел, и Департамент железных дорог, директором которого был назначен К. И. Фишер. Отрасль возглавил граф Петр Андреевич Клейнмихель, остававшийся на этом посту до конца царствования императора Николая I (1855 г.); все это время А. И. Дельви́г числился чиновником по особым поручениям при главноуправляющем. Значительными событиями этого периода жизни Андрея Ивановича стало пребывание с 1844 по 1848 г. в Нижнем Новгороде и знакомство со службой и частной жизнью новгородских должностных лиц; путешествие по западноевропейским странам в 1847 г.; обследование работ по устройству судоходства в районе днепровских порогов в 1848 и 1849 гг.; участие в действиях русского экспедиционного корпуса в Венгрии в 1849 г. в качестве инспектора военных сообщений. С 1852 по 1858 г. под руководством А. И. Дельви́га велась фундаментальная реконструкция Московского водопровода. Книга предназначена для историков-профессионалов, студентов, любителей российской истории. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 929
ББК 63.3(2)47

ISBN 978-5-44691-397-8

© Дельви́г А. И., 1871-1878
© Нестор-История, 1871-1878

Содержание

Вместо предисловия	9
От составителя	12
Глава V	15
Конец ознакомительного фрагмента.	56
Комментарии	

Андрей Иванович Дельви́г
Мои воспоминания. Том 2. 1842–1858 гг

Барон Дельвиг

Вместо предисловия Дельвиг, барон Андрей Иванович¹

Дельвиг, барон Андрей Иванович, генерал-лейтенант, числящийся по инженерному корпусу, сенатор, родился 18 марта 1813 г. в с. Студенец Воронежской губернии, первоначальное техническое образование Дельвиг получил в бывшем Военно-строительном училище в 1828–1829 г., преобразованном затем в Институт путей сообщения, по окончании курса в котором в 1830 г. произведен был в прапорщики с оставлением при институте для продолжения научных занятий. В 1832 г. Дельвиг вышел из института с чином поручика за отличие в науках и поступил на действительную службу в третий округ путей сообщения, где и состоял с 1832 г. по 1836 г. в должности производителя работ по устройству московского водопровода; получил за успешные работы по этому водопроводу первую награду от графа Толя [*граф Карл Федорович Толь, 1777–1842, генерал; с 1833 г. был главноуправляющим путями сообщения и публичными зданиями*].

В 1834 и 1835 гг. Дельвиг работал над проектами по переустройству ключевых бассейнов и частей Московского водопровода, которые и были затем утверждены Главным управлением путей сообщения. В 1836 г. Дельвиг был назначен при сооружении тульского оружейного завода на гидротехнические работы по устройству плотин, в следующем году производил гидротехнические исследования по реке Упе с целью улучшения судоходства. В 1838 г., уже в чине капитана, Дельвиг состоял при работах по соединению рек Москвы и Волги. В 1839 г. Дельвиг был назначен помощником инженер-полковника Максимова, производителя работ в Москве по устройству набережных и по улучшению судоходства на р. Москве, и напечатал в том же году в Москве первое свое сочинение: «*Mémoire sur quelques questions techniques relativement au système de l'ancien aqueduc de Moscou*», которое обратило внимание специалистов и в России, и за границей. В 1840 г. Дельвиг был командирован для осмотра местности у известной Варениковской пристани для устройства переправы через реку Кубань и для проложения сообщения между областью черноморских казаков и укрепления Новороссийска на Суджукской бухте, через землю непокорных натухайцев.

В 1841 г. занимался составлением смет по проекту набережных в Москве, производил изыскания с целью распространения сети Московского водопровода и устроил водоснабжение в Московском воспитательном доме; затем был командирован для осмотра местности по Черноморскому берегу Кавказа близ Сухума – по случаю предположенных работ для осушки окрестных болот – и представил проект осушения болот начальнику черноморской береговой линии генералу Анрепу [*граф Иосиф Романович Анреп-Эльмнт, 1798–1860; генерал*]. По приказанию генерал-адъютанта Граббе [*граф Павел Христофорович Граббе, 1789–1875, генерал, в 1838 г. назначен командующим войсками на Кавказской линии и в Черноморской области*] осматривал поврежденный мост на реке Кубани близ крепости Прочный Окоп и составил проект нового моста; по поручению генерала Анрепа осмотрел казенные здания Анапского военного госпиталя и составил подробное его описание.

В 1842 г. Дельвиг занимался работами по устройству постоянной переправы через реку Кубань у Варениковской пристани и благодаря глубокому знанию дела и практической опытности с невероятной быстротой, в 1 1/2 месяца, окончил все работы, которые были рассчитаны, по Высочайше утвержденному проекту, по крайней мере на два года.

¹ Русский биографический словарь / Изд. под наблюдением председателя Императорского Русского исторического общества А. А. Половцова. С.-Петербург: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1905. Т. 6. С. 198–201.

На долю Дельвига выпала честь осуществления, согласно воле Государя, плана устройства постоянного сухопутного сообщения Черномории с Восточным берегом Черного моря через землю натухайцев. С 1842 по 1858 г. Дельви́г состоял при главноуправляющем путями сообщения графе Клейнмихеле [*граф Петр Андреевич Клейнмихель, 1793–1869; с 1842 по 1855 г. главноуправляющий путями сообщений и публичными зданиями, организатор строительства Николаевской железной дороги С.-Петербург – Москва*] и по его поручению составил проект постоянного моста через р. Днепр в Киеве, перевел с французского языка сочинение об освещении маяков, исправил Московско-Нижегородское шоссе в пределах Нижегородской губернии, производил работы в качестве директора по устройству шоссе от Померанья до Едрова [*села на тракте С.-Петербург – Москва*], составил проект улучшения С.-Петербургско-Московского шоссе и устроил шоссе из Малоярославца до Бобруйска.

С 1845 по 1848 г. он состоял начальником работ по устройству Нижнего Новгорода и за устройство в Нижнем, по им же составленному проекту, водопроводов и фонтанов удостоился выражения Высочайшего благоволения. [*«Высочайшее благоволение Его Императорского Величества» – одна из «монарших наград» в Российской империи; объявлялось непосредственно императором без представления со стороны начальства награждаемого.*]

В 1849 г. во время венгерской кампании был инспектором военных сообщений нашей армии и отправлен в главную квартиру ее в город Мишкольц в Венгрии; здесь Дельви́г построил мост через реку Гернат у д. Пога для перехода следовавшего из Дебрецена к армии 4-го пехотного корпуса и осматривал военную дорогу и почтовые станции по тракту от Гросс-Вардейна через Токай до Галиции. За особые труды в эту кампанию Дельви́г был награжден Императорской короной на орден Св. Анны 2-й степени. В 1850 г. он был назначен членом учебного комитета Главного управления путей сообщения, комиссии по сооружению постоянного моста через р. Неву, технической комиссии при Департаменте железных дорог и состоял с этого года начальником Московских водопроводов, причем устроил в 1856 г. водоснабжение на Ходыньском поле в Москве.

С 1852 по 1861 г. Дельви́г состоял председателем архитектурного совета комиссии по постройке в Москве храма Спасителя и членом комитета по надзору в Москве и ее уезде за устройством фабрик и заводов. В продолжении 10 лет с 1861 по 1871 г. Дельви́г, состоя в должности главного инспектора частных железных дорог, принимал деятельное участие в постройке 32 железных дорог длиною в 11 222 версты.

В 1868 г. Дельви́г, по случаю преобразования корпуса инженеров путей сообщения, зачислен по инженерному корпусу военного ведомства; был назначен членом Комитета железных дорог, получил чин генерал-лейтенанта и назначен членом комиссии генерал-лейтенанта Зиновьева для начертания путей, могущих служить для скорого подвоза хлеба в часто страдающие от неурожая северные губернии; в следующем, 1869 г. Дельви́г был назначен членом совета Министерства путей сообщения и постоянным членом комитета при Военном министерстве по передвижению войск железными дорогами и водой, а также сенатором, причем в течение десяти месяцев, в отсутствие графа Бобринского, временно управлял Министерством путей сообщения. [*Зиновьев Николай Васильевич, 1801–1882, генерал; в 1868 г. возглавлял комиссию по оказанию помощи жителям России, пострадавшим от неурожая 1867 г., а также был председателем комитета для обсуждения вопроса о соединении железнодорожными путями Волги и Северной Двины с Невой с целью устранения на будущее время недостатка хлеба в северной части России. Граф Бобринский Алексей Павлович, 1826–1894, управлял Министерством путей сообщения с 1871 по 1874 г.*]

В 1871 г. Дельви́г получил орден Св. Александра Невского, оставил службу по Министерству путей сообщения и назначен присутствующим сенатором в 1-й Межевой департамент, где и состоял до самой смерти, последовавшей 20 января 1887 г. С 8 марта 1867 по 20 ноября 1870 г. Дельви́г был первым председателем образованного при его участии Русского техниче-

ского общества, которое многим обязано энергичности своего первого председателя. К этому же периоду относится и деятельность Дельвига по участию в разработке положений и самом создании технических железнодорожных училищ, первые из которых возникли по его почину на средства, добровольно отчисленные частными железными дорогами. Одно из таких училищ учреждено в 1870 г. в Москве под названием Дельвиговское железнодорожное училище, для которого Дельвиг пожертвовал дом и устроил при нем общежитие, обеспечив его капиталом. И по оставлении места председателя Дельвиг, избранный почетным членом Технического общества и почетным членом совета, не переставал заботливо относиться к основанному обществом школам для взрослых рабочих, постоянно изыскивая средства для них и привлекая пожертвования; так, например, в 1883 г. последовало Высочайшее соизволение на учреждение трех стипендий имени барона Дельвига; с 1875 по 1877 г. Дельвиг был председателем съезда машиностроителей и членом комиссии для снабжения железных дорог рельсами и подвижным составом. В 1881 г. Дельвиг праздновал пятидесятилетие своей служебной деятельности в офицерских чинах и в день юбилея был произведен в чин генерал-инженера.

Дельвиг был не только выдающимся практическим деятелем и глубоким знатоком дела, без участия которого не обходилась почти ни одна специальная комиссия по водопроводному делу, но и выдающейся научной величиной. Особенное значение труды его имеют в истории русской гидротехники: он первый пересадила гидравлику с французской почвы на русскую и первый указал русским инженерам всю важность теории водопроводов, разработанную во Франции – рассаднике гидротехнического искусства. Особенно многим обязана Дельвигу Москва, водопроводы которой с мытищинской водой – создание его рук и его ума. Дельвиг – неутомимый работник на практическом поле деятельности – всегда охотно делился своими знаниями и опытом со своими товарищами по специальности и путем устного слова, и печатно.

В 1857 г. Дельвигом издано знаменитое его сочинение, заслужившее Демидовскую премию и составляющее в настоящее время библиографическую редкость: «Руководство к устройству водопроводов», сочинение, представляющее собой одно из самых крупных явлений нашей русской технической литературы; сочинение это по всесторонности теоретической разработки самых сложных вопросов гидравлики является как бы энциклопедией всех работ по гидротехнике, которые были сделаны до того времени.

Кроме того, им написаны: «Описание водоснабжения на Ходыньском поле», Спб., 1857 г.; «Исследование г. Дарси о движении воды в трубках», Спб., 1859 г.; «Историческое обозрение искусства проводить воду» (Вестник промышленности. 1859. Т. I–II. № 3–5, отд. III, с. 284–328, 1–54 и 131–152); «Московские водопроводы в 1859 г.», М., 1860 г. – оттиск из «Вестника промышленности», 1860 г., № 6; «Московские водопроводы в 1860 г.» (Вестник промышленности. 1861. Т. XIII. № 7, отд. II, с. 1–14); «По поводу статьи академика Гельмерсена об артезианских колодцах»; «О влиянии воздуха в водопроводных трубах» (в «Журнале Министрства путей сообщения») и статья «The Moscow Waterworks», помещенная в одном из английских журналов.

От составителя

Второй том «Моих воспоминаний» Андрея Ивановича Дельвига содержит 3 главы (V–VII) и охватывает период жизни автора с 1842 по 1858 год. Оригинальный рукописный текст содержится во 2-й и 3-й тетрадах рукописи². В полном послужном списке инженер-генерал-лейтенанта барона Дельвига³ можно найти следующие записи, соответствующие данному отрезку времени (предыдущее воинское звание капитана он получил 6 декабря 1837 г.):

За отличное исполнение поручения по устройству постоянной переправы чрез р. Кубань у Варениковой пристани Всемиловейше награжден орденом Св. Владимира 4-й ст. – 29 авг. 1842. Приказом по корпусу переведен в Главное управление путей сообщения и публичных зданий, с назначением состоять при главноуправляющем – 19 окт. 1842. Назначен для перестройки участка Нижегородского шоссе, пролегающего по Нижегородской губернии, с оставлением при главноуправляющем – нояб. 1842. Заведовал дирекцией шоссе от Померанья до Едрова, с оставлением при главноуправляющем – 30 июля 1843.

Майором – 6 дек. 1843. Высочайшим приказом назначен начальником работ по устройству Нижнего Новгорода с оставлением заведующим означенным участком Нижегородского шоссе и при главноуправляющем – 21 июня 1845.

Подполковником – 7 апр. 1846. За составление проекта на устройство водопроводов и фонтанов в Нижнем Новгороде и самое приведение этого проекта в исполнение объявлено Монаршее благоволение – 20 нояб. 1847. Всемиловейше награжден орденом Св. Анны 2-й ст. – 4 апр. 1848. Награжден знаком отличия беспорочной службы за XV лет – 22 авг. 1848. От должности начальника работ Нижнего Новгорода отчислен и от заведования участком Нижегородского шоссе освобожден, с оставлением при главноуправляющем – 2 дек. 1848. Приказом г. главноуправляющего 30 мая 1849 назначен инспектором военных сообщений действующей армии – 30 мая 1849. Прибыл в Главную квартиру, находившуюся в г. Мишкольце в Венгрии – 20 июня 1849. Назначен состоять при исправляющем должность дежурного генерала армии – 24 июня 1849. За отлично усердную и ревностную службу в бытность инспектором военных сообщений действующей армии во время похода в 1849 в Венгрии Всемиловейше пожалован орденом Св. Анны 2-й ст. с Императорскою короною – 6 дек. 1849. Пожалована серебряная медаль за участие в войне против венгров 1849. Приказом главноуправляющего назначен членом комитетов: учебного Главного управления путей сообщения и по сооружению постоянного чрез р. Неву моста и технической комиссии при Департаменте железных дорог – 18 марта 1850. За удовлетворительное производство работ постоянного чрез р. Неву моста объявлено Монаршее благоволение – 11 апр. 1850. При окончании устройства моста объявлено Монаршее благоволение и удовольствие – 21 нояб. 1850.

² 1) Мои воспоминания. Записки барона А. И. Дельвига за 1813–1876 гг. В 5 т. Российская государственная библиотека. Музейное собрание. Ф. 178.1 (русская и славянская часть); № 3018.1–6; штрих-код 50-13274905; размер рукописи 36x24 см; общая толщина около 40 см. *Здесь и далее цифрой-номером с закрывающей скобкой обозначены примечания автора.*

³ 2) РГИА. Ф. 207. Оп. 10. Д. 819.

За отличие по службе произведен в полковники – 8 апр. 1851. Назначен начальником Московских водопроводов, с оставлением при главноуправляющем – 25 июня 1852. По Высочайше утвержденному положению комитета г.г. министров назначен председателем архитектурного совета комиссии. Для построения храма во имя Христа Спасителя в Москве, с оставлением при главноуправляющем – 28 июля 1852 награжден знаком отличия за беспорочную службу за XX лет – 22 авг. 1852. Предписанием главноуправляющего за № 5343 назначен членом комитета Высочайше утвержденного для надзора за устройством фабрик и заводов в Москве и ее уезде с оставлением в прежних должностях – 19 окт. 1852. Всемилостивейше пожалован бриллиантовый перстень с вензелевым изображением Высочайшего Его Величества имени – 11 апр. 1854. В награду отлично усердной службы Всемилостивейше пожалован орденом Св. Владимира 3-й ст. – 26 авг. 1856. Пожалована бронзовая медаль в воспоминание войны 1853–1856 г. – 26 авг. 1856.

За отличие по службе произведен в генерал-майоры {с оставлением в настоящих должностях} – 30 авг. 1858.

Немногословные трочки послужного списка с полной ясностью свидетельствуют о том, что, без сомнения, этот этап жизни автора был насыщен самыми разнообразными событиями, а также отражают поистине блестящий карьерный рост барона Дельвига. Сам же он смотрел на свое продвижение по службе как бы со стороны: *«Служебные награды я считал ступенями лестницы, которые необходимо пройти, чтобы взойти на ее верх, а потому только те из служебных наград были полезны, которые составляли необходимые ступени этой лестницы»* (Гл. VII). В полном соответствии с этим жизненным кредо он и описывает все, что с ним и вокруг него происходило, без аффектации, спокойно и выдержанно. Иногда кажется, что он не способен потерять присутствие духа, разговаривая на равных со всеми: от простого лоцмана на днепровских порогах до самых высокопоставленных особ, а также многократно находясь в буквальном смысле слова на волоске от смерти.

Лаконичность и кажущаяся неэмоциональность автора, помноженные на прагматичность и выдержку, дают в результате уникальный по своей реалистичности текст, почти хронику, которая требует разнобразного и многоаспектного вспомогательного и дополнительного материала. Автор сам понимал это, и в рукописи имеются следующие авторские приложения:

Приложение 1 к главе VI (разъяснения А. В. Головнина по поводу барона Фиркса).

Приложение 3 к главе VII (разъяснения А. В. Головнина по поводу графа А. А. Закревского).

Приложение 5 к главе VII (речь Н. С. Толстого на дворянских выборах Нижегородской губернии в начале 1862 г.).

Учитывая особенности текста и личности автора, а также для более полного понимания его характера, эпохи и некоторых событий, отстоящих от читателя приблизительно на полтора столетия, составитель счел необходимым дополнить вспомогательный текстовый материал, добавив также вступительную статью «Дельвиг, барон Андрей Иванович», внеся, кроме того, следующие дополнительные приложения:

Приложение 2 к главе VI (Письмо генерала Гёргея командиру 3-го пех. корпуса, генералу от кавалерии графу Ридигеру от 11 августа 1849 года). В самом деле, автор размышляет над значением этого письма в свете внутри политического и международного контекста, не приводя его полностью. Мы решили исправить это упущение.

Приложение 4 к главе VII (Воспоминания об участии при защите г. Севастополя бывшего в то время полковым адъютантом Владимирского [61-го] пехотного полка поручика, ныне отставного майора Наума Александровича Горбунова). Составитель счел уместным поместить

эти воспоминания как приложение к VII главе, где А. И. Дельви́г вспоминает тяжелое для России время Крымской войны, когда при обороне Севастополя его брат Николай Иванович вновь, после экспедиции в Дарго, был тяжело ранен. Н. А. Горбунов был очевидцем и участником героической обороны «русской Трои», и его свидетельство было дорого Андрею Ивановичу как память о безвременно ушедшем из жизни брате, чьих жизненных сил после участия в двух неудачных для нашей армии военных операциях хватило ненадолго.

* * *

Безусловно, послужной список, внушительный перечень наград Андрея Ивановича Дельви́га во многом говорят сами за себя. Но, вчитываясь в строки V–VII глав его воспоминаний, мы начинаем видеть ту эпоху, зенит XIX века, глазами зрелого, опытного, нашедшего свое место в жизни человека – «не мальчика, но мужа». Кроме привычки добиваться результата упорным трудом, данной в поддержку таланту, судьба не делала Андрею Ивановичу подарков, в отличие от его непосредственного руководителя Петра Андреевича Клейнмихеля, сызмала ею избалованного. Настоящим испытанием для А. И. Дельви́га стала более чем пятнадцатилетняя служба под началом своенравного и деспотичного главноуправляющего, и не только «азиатские аллюры» графа Клейнмихеля, как выразился также хорошо знавший его сенатор К. И. Фишер, были «отягчающим обстоятельством» службы и жизни Андрея Ивановича. В обществе того времени сложилось мнение (конечно, неспроста) о взяточничестве и казнокрадстве путейцев. Известный острослов А. С. Меншиков даже сочинил историю о том, как на исповеди священник допытывался, не берет ли он взятки и не грабит ли казну, а потом, разглядев хорошенько мундир Меншикова, якобы повинился: спутал, дескать, с путейским. Конечно, Андрею Ивановичу были известны приемы незаконного обогащения сослуживцев, он пишет об этом. Но видел он и то, как мало ценит государство их труд, как равнодушно к их нуждам, а проще сказать – к нужде. Сложно определить чувство, которым продиктованы его слова: *«Одна и та же история с инженерами путей сообщения повторяется во всех губернских городах: они не хотят кланяться губернаторам и другим лицам, имеющим значение в губернии, хотя их служебная деятельность большею частью так же не бескорыстна, как и других чиновников»* (Гл. VI). Много видится за этими строками: значит, угол зрения выбран правильно. Эта способность охватывать взглядом все, имеющее значение в происходящем, – не детали, а обстоятельства – и позволила автору «Моих воспоминаний» создать достоверный образ своего времени.

* * *

Как и в первом томе «Моих воспоминаний», во втором томе использованы следующие условные обозначения:

– в {фигурных скобках} помещен текст, исключенный цензором / редактором издания Румянцевского музея 1912–1913 гг.,

– в <ломанных скобках> – текст, вычеркнутый в рукописи,

– в [квадратных скобках], курсивом даны уточнения, включенные составителем.

Переводы с французского языка выполнены П. А. Дельви́гом, с немецкого – А. А. Дельви́гом.

Алексей Александрович Дельви́г

Глава V 1842–1848

Приезд в Петербург. Представление графу А. И. Чернышеву и графу П. А. Клейнмихелю. Назначение состоять при графе Клейнмихеле. А. П. Девят(н)ин. А. И. Рокасовский. Граф П. А. Клейнмихель. Адьютант его Герштенцвейг. Г. М. Толстой. Посещение дома графа П. А. Клейнмихеля. Его жена и дети. П. А. Языков. Обеды и вечера у графа П. А. Клейнмихеля. В. Р. Трофимович. Поручение от графа А. И. Чернышева по кавказским делам. Поручение от графа П. А. Клейнмихеля составить проект постоянного моста в Киеве. Поездка в Соснинскую пристань. П. П. Мельников. Поездка в Киев. Д. Г. Бибилов. Инженеры путей сообщения: Гене и Залесский. Директор канцелярии Бибилова – Писарев. Е. Ф. Скордули. Изыскания по составлению проекта моста через Днепр в Киеве. Предположение о постройке этого моста на вновь избранном месте. Поездка из Петербурга в Ковну. Начальник Динабургского шоссе полковник Кашперов. Великая Княгиня Елена Павловна и ее три дочери в Ковне. Представление в Петербурге Великому Князю Михаилу Павловичу. Поручение графа Клейнмихеля перевести с французского книгу об освещении маяков. Жизнь в Петербурге. Назначение наблюдать за действиями местного начальника на Московском шоссе. К. Я. Рейхель. Е. П. Вонлярлярский. Проезд графа Клейнмихеля по Московскому шоссе и назначение меня директором шоссе от ст. Померанья до Едрова с оставлением на мне и прежнего поручения. Бугайский. Занятия по улучшению Московского шоссе. Розыски, произведенные майором Травинным. Жизнь в Новгороде. Наказание портупей-прапорщиков Института инженеров путей сообщения. Встреча Государя с подпоручиком, слушающим курс в этом институте. Перемена в нем начальствующих лиц. Назначение меня для исправления Нижегородского шоссе в пределах Нижегородской губернии. Преобразование округов путей сообщения с 1 января 1844 г. Переезд в Нижний Новгород. Граф Н. С. и графиня Л. Н. Толстые. Нижегородские чиновники. Нижегородский губернатор князь М. А. Урусов. Неисправность С. В. Абазы по откупам. Производство в майоры. Служебные занятия по Нижегородскому шоссе. М. Я. Вейсберг. Средство для ведения дел по данному мне поручению. Поставка М. Я. Вейсбергом щебня на Нижегородское шоссе. Весенний осмотр этого шоссе. Князь П. Н. Максудов. П. А. Фролов. А. Н. Тимофеев. Работы по перестройке Нижегородского шоссе. Отчуждение земель для этого шоссе. Кончина тестя моего Н. В. Левашова и моей матери. Положение имения, оставшегося после моего тестя. Назначение меня опекуном этого имения. Мои распоряжения к освобождению его от аукционной продажи. Приезд в Москву по требованию графа Клейнмихеля. Трофимович, начальник IV (Московского) округа путей сообщения. Пребывание графа Клейнмихеля в Москве. Устройство шоссе от Малоярославца до Бобруйска. Дворянские выборы в Нижнем Новгороде. С. В. Шереметев. Б. Е. Прутченко и его семейство. Пребывание моей сестры и брата в Нижнем. Взятничество нижегородских чиновников. Воровство в нашем доме. Зимние работы на Нижегородском шоссе. Пребывание графа Клейнмихеля в Нижнем. С. П. Шипов. Осмотр графом Клейнмихелем шоссе в пределах Нижегородской губернии. Виноградов, отставной смотритель судоходства в Нижнем. Столкновение мое с Э. И. Шуберским. Назначение меня начальником работ в Нижнем. Занятия по этой должности. Составление проекта водоснабжения верхней части Нижнего. Герцог Максимилиан Лейхтенбергский и К. В. Чевкин в Нижнем и на строящейся между столицами железной дороге. Пикник на ст. Орловке. Выксунские заводы Шепелевых. Приезд моего брата в Нижний и помолвка его. Отъезд мой в Петербург. Встреча с владельцем магазинов под фирмою «Лаферм». Командировка для исследования по Динабургскому шоссе. Пребывание в Петербурге. Приезд в Нижний. Производство в подполковники. Свадьба моего брата. Производство работ по устройству водопровода в Нижнем. Обращение губерна-

тора князя Урусова с подчиненными и служащими. Столкновение князя Урусова с графом Н. С. Толстым и С. В. Шереметевым. Затопление в Оке барки, перевозившей мое имущество из Москвы в Нижний. Граф Клейнмихель в Нижнем. Его приказ об осмотре Нижегородского шоссе и работ в Нижнем. Мнение нижегородского вице-губернатора об этом приказе и мои пояснения приказа. Беспорядки в нижегородской арестантской роте, в заставном шоссе доме, на ст. Орловке и по приему щебня для Нижегородского шоссе. Поездка моя с Клейнмихелем в Москву. Внесение рода Левашовых в дворянскую родословную книгу. Признание фамилии Дельвигов в баронском достоинстве. Покупка Тамбовского имения. Зима 1846–1847 гг. в Нижнем. М. В. Глинский. Маскарад у князя Урусова 1 января 1847 г.хлопоты о получении заграничного отпуска. Бал в Нижегородском благородном собрании. Князь Л. А. Гагарин. Отъезд в Петербург. Банкирская контора Штиглица. Е. М. Фролов. Выезд за границу. Таможня в Ковне. Проезд до Варшавы. Варшава. Проезд до Пруссии. Прусские таможня и почта. Познань. Берлин. Переезд моей сестры из Берлина в Готу. Франкфурт-на-Майне. Гамбург и поездка между Гамбургом и Франкфуртом-на-Майне. Приезд моей сестры в Гамбург. Моя поездка по Рейну и по Темзе. Лондон. Покупка коляски близ Гамбурга. Переезд от Франкфурта-на-Майне. Французская граница. Страсбург. Переезд от Страсбурга до Нанси. Нанси. Переезд от Нанси до Парижа. Париж. Швейцария. Замок графини А. Н. Корниани в бывшем Ломбардо-Венецианском королевстве. Милан и Венеция. Переезд от Венеции до Вены. Вена. Переезд от Вены до границы Царства Польского. Таможня на этой границе. Варшава. Русская таможня в Ковне. Переезд от Ковны до Нижнего. Кончина моего дяди князя А. А. Волконского. Приезд в Нижний. Генерал-майор Грессер. Открытие водоснабжения в Нижнем. Осмотр казенных зданий в уездных городах Нижегородской губернии. Сдача управления имением моего тестя его наследникам. Жалоба губернатора князя Урусова на губернского прокурора Волоцкого. Брат мой и его жена в Нижнем. Неприличное поведение губернатора князя Урусова на бале управляющего палатой государственных имуществ В. Е. Корвин-Круковского. Нижегородские «Губернские ведомости» под редакцией П. И. Мельникова. Ситцевые танцевальные вечера в Нижегородском клубе и Афинский вечер у князя Гагарина. Поездка в Симбирск для составления проекта водопровода в этом городе. Симбирский губернатор Булдаков и симбирское общество. Тамбовской губернатор П. А. Булгаков. Осмотр местности для составления проекта водопровода в Симбирске. Неудовольствия между губернатором князем Урусовым и мной. Cholera в Москве и отъезд в Москву моей жены. Поездка в Симбирск. Исследования по составлению проекта водопровода в Симбирске. Обратная поездка в Нижний. Приезд в Нижний моей жены и сестры. Дозволение графа Клейнмихеля приехать в Петербург. Выезд из Нижнего.

В Петербурге я остановился в офицерском флигеле л. – гв. Павловского полка, у двоюродного брата моего А. А. Дельвига^[1], который был выпущен в этот полк прапорщиком из военно-учебного заведения, называвшегося Дворянским полком. Он был примерный молодой человек; очень умный и рассудительный; он усердно исполнял обязанности службы, всегда был прилично одет, довольствуясь скудным жалованьем прапорщика, из которого умел еще делать небольшие сбережения для незначительных подарков своей семье, которую страстно любил. Недоставало ему образования, но этот недостаток он старался по возможности пополнить чтением.

Немедля по приезде я представил военному министру князю Чернышеву^[2] и новому главноуправляющему путями сообщения графу Клейнмихелю^[3] чертежи общего плана произведенных работ у Варениковой пристани с объяснительной запиской. Чернышев и Клейнмихель очень благодарили меня за труды; последний приказал быть у него в следующий день, в который он объявил мне, что докладывал Государю о моем возвращении и о назначении меня к нему по особым поручениям. Хотя Клейнмихель понравился мне с первого нашего свидания своей вежливостью и энергичностью, но, слыша от всех, что он зверь, и уверенный, что под начальством военного министра я сделаю лучшую служебную карьеру, я очень был недоволен

означенным назначением. На другой день я передал об этом Чернышеву и напомнил об его обещании перевести меня к нему на службу. Он мне отвечал, что так как Клейнмихель предупредил его докладом Государю {о моем назначении}, то он не надеется, чтобы перевод этот мог состояться {ввиду того, что я состою в корпусе инженеров путей сообщения}, и он может доложить Государю о моем переводе, только списавшись об этом предварительно с Клейнмихелем.

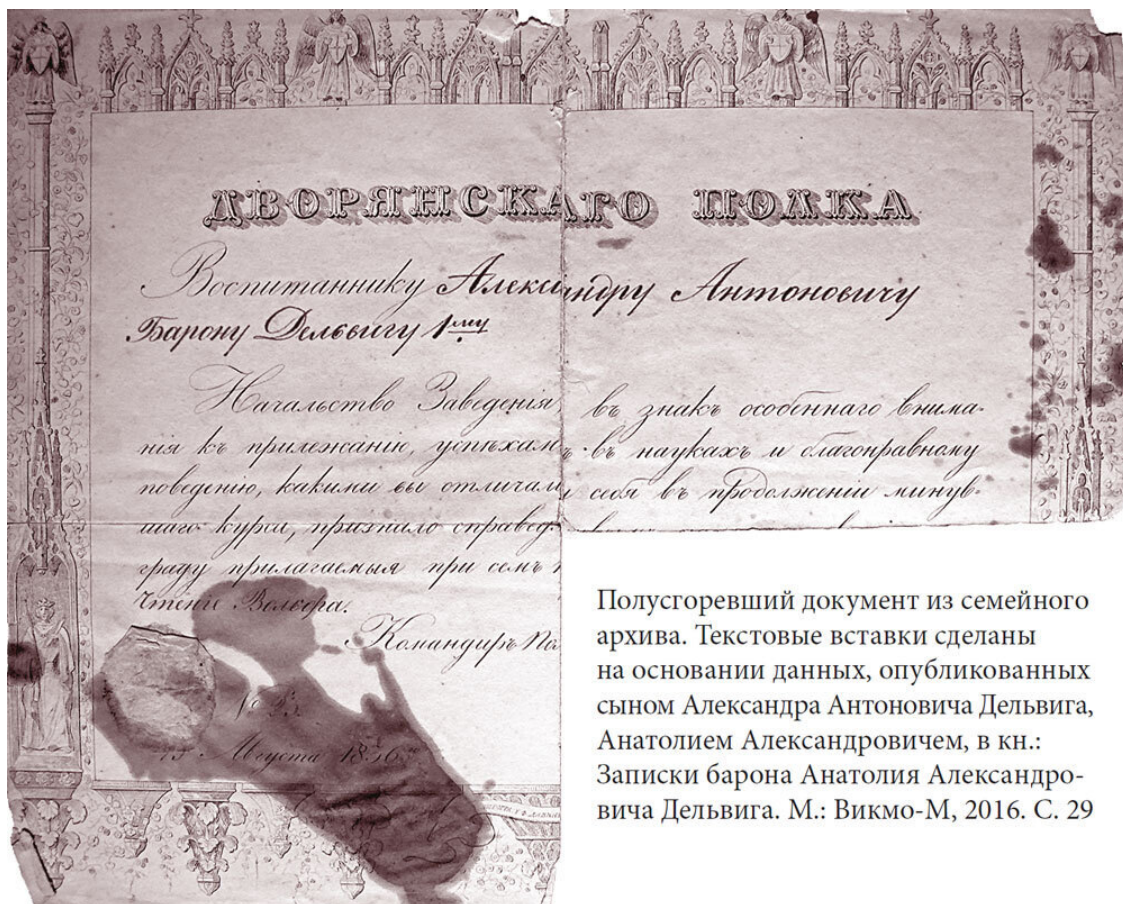
В это время [*Александр Петрович*] Девят(н)ин⁴, [4] был еще товарищем главноуправляющего путями сообщения и жил по-прежнему в доме главноуправляющего, но уже было известно, что Клейнмихель к нему очень не расположен. Я зашел представиться Девят(н)ину, который спросил меня, возвращаюсь ли я в Москву или получаю какое-либо новое назначение. Я ему передал слова Клейнмихеля, и он ироническим тоном мне сказал:

– Поздравляю Вас с блестящей карьерой; в ней нельзя сомневаться, так как граф в большой милости и силе.

Впечатление, произведенное на меня этим тоном Девят(н)ина, было мне тем более тягостно, что я был очень недоволен назначением, о котором Клейнмихель объявил мне за несколько минут перед моим свиданием с Девят(н)иным.

Вскоре последний был уволен от звания товарища и оставлен членом Совета Главного управления путей сообщения. Говорят, что он очень хлопотал о назначении его сенатором {(тогда еще товарищами министров и главноуправляющих не назначали вместе с сенаторами)}. Но, несмотря на то что Девят(н)ин, по общему {о нем} мнению, был человек весьма умный, во все время управления графом Толем^[5] путями сообщения был его правой рукой, а при частых болезнях последнего и после его смерти долгое время исправлял должность главноуправляющего, присутствуя при этом в Государственном Совете и в Комитете министров, и несмотря на связи Девят(н)ина, ему не удалось попасть в сенаторы, потому что этого не хотел Клейнмихель. Не знаю, чему приписать такое ожесточение последнего против Девят(н)ина. Вероятно, Клейнмихель, узнав, что он не будет назначен военным министром, желал быть главноуправляющим путями сообщения, а между тем все говорили, что Государь это место уже предназначил Девят(н)ину; такое соперничество, конечно, не могло нравиться Клейнмихелю, который, сверх того, желал показать, что при Толе все велось дурно, в чем он и обвинял Девят(н)ина.

⁴ В I–IV главах «Моих воспоминаний» Девятин. П. П. Мельников, безусловно хорошо знавший сослуживца, товарища главноуправляющего путей сообщения (1839–1843) и лично, и по документам, использует форму Девятин (*Мельников П. П. Сведения о русских железных дорогах (1841)* // А. Вульф. История железных дорог Российской империи. М.: РИПОЛ классик, 2016. С. 233–262). К. И. Фишер, также хорошо знакомый с Александром Петровичем, пишет его фамилию так же – Девятин (*Записки сенатора К. И. Фишера* // Исторический вестник: историко-литературный журнал. Т. СХI–СХIV. СПб., 1908. Время написания – 1864 г.), в то время как автор исторического очерка «Пятидесятилетие Института и корпуса инженеров путей сообщения» 1859 г. Евг. Соколовский называет в числе выпускников 1817 г. Александра Девятнина. Сказанным объясняется наше написание его фамилии – Девят(н)ин. Об Александре Петровиче Девят(н)ине говорится в первом томе «Моих воспоминаний», см. по Указателю имен первого тома.

Полусгоревший документ из семейного архива. Текстовые вставки сделаны на основании данных, опубликованных сыном Александра Антоновича Дельвига, Анатолием Александровичем, в кн.: Записки барона Анатолия Александровича Дельвига. М.: Викмо-М, 2016. С. 29

Дворянского полка воспитаннику Александру Антоновичу Барону Дельвику 1-му

Начальство заведения в знак особенного внимания к прилежанию, успехам в науках и благонаправленному поведению, какими Вы отличили себя в продолжении минувшего курса, признало справедливым... [на]граду, прилагаемые при сем... [книги поэта Антона Антоновича Дельвига и О новейшей изящной словесности] чтение Вольфа. Командир полка... № 23. 19 августа 1836 г.

Рассказывали тогда, что окончательным поводом к неназначению Девят(н)ина главным управляющим^[6] было следующее: в поездку Государя на пароходе для осмотра Шлиссельбурга и гидравлических в нем сооружений Девят(н)ин, который должен был объяснять их Государю, везде опаздывал, а перед обратным отъездом Государя в Петербург опоздал на целых полчаса и заставил Государя ждать; {одним словом, не выказал ловкости, которая тогда, как и теперь, очень высоко ценилась в высших сферах.

Я старался сказать все, что знал хорошего о Девят(н)ине, хотя читатель заметит, что он ко мне не благоволил и выказывал это с того времени, как я не согласился на его убеждение остаться при работах Тульского оружейного завода, о чем мною изложено в III главе «Моих воспоминаний». Чтобы не возвращаться к Девят(н)ину, скажу теперь же, что он смиренно продолжал службу в звании члена Совета Главного управления путей сообщения}.

Впоследствии были толки о назначении его генерал-губернатором Восточной Сибири, но Клейнмихель помешал и этому назначению. Во все время, пока Девят(н)ин состоял членом Совета, он имел только одно поручение составить проект ограждения берегов реки Терека от разливов, для чего он долго пробыл на Кавказе, но представленные им проекты остались без исполнения.

Товарищем, на место Девят(н)ина, был назначен корпуса инженеров путей сообщения генерал-лейтенант Алексей Иванович Рокасовский^[7], человек умный, добродушный и приятной наружности, но ленивый и робкий. Когда ему говорили, что его дело, как товарища, стараться укрощать порывы гнева и произвольные действия Клейнмихеля, он отвечал:

– Правда, что я товарищ Клейнмихеля, но он-то мне не товарищ.

Я в это время в первый раз встретился с Рокасовским, который пригласил меня обедать у него по четвергам. На этих обедах, кроме его родственника барона Будберга^[8], командовавшего тогда лейб-гвардии Гусарским полком, генерал-адъютанта [*Иосифа Романовича*] Анрепа^[9], по возвращении последнего с Кавказа в Петербург, и некоторых других, всегда было много инженеров путей сообщения. Это был единственный дом, где они сходились. Рокасовского считали богатым, но скупым; кушанья за его обедом были незатейливые; после обеда играли в карты по весьма маленькому кушу и курили недорогие сигары, но пролежавшие несколько лет у хозяина, который своим добрым ко всем расположением умел делать свои обеды и вечера весьма приятными.

Через несколько дней по моем приезде в Петербург Клейнмихель праздновал именины и день рождения своей жены^[10] (17 и 19 октября). Я был приглашен в оба эти дня к обедне в церковь дома, занимаемого Клейнмихелем, которую он только что устроил, и к завтраку. В оба дня, я видел у него падчериц моей сестры^[11]: Вадковскую и Норову, {о которых я подробно говорил в IV главе «Моих воспоминаний»}. Узнав, что я назначен к Клейнмихелю по особым поручениям, они наговорили его жене обо мне много дурного и между прочим, что я известный взяточник, и всеми мерами старались, чтобы Клейнмихель отменил это назначение. Доклады последнего у Государя были по четвергам; 19 октября приходилось в четверг, и он, воротясь от Государя, между обедней и завтраком объявил мне о моем назначении, причем рассказал мне все клеветы Вадковской и Норовой, {которые они возводили на меня}. Они, узнав за завтраком о моем назначении, метали на меня гневные взоры и вообще выказывали крайнее неудовольствие. {Об этом назначении в тот же день был отдан приказ. }

Граф Петр Андреевич Клейнмихель
С картины Ф. Крюгера. Государственный Эрмитаж

Клейнмихель принадлежит к числу лиц наиболее замечательных в царствование Императоров Александра I и Николая I, {а потому нет сомнения, что описание его действий с начала его службы до назначения главноуправляющим путями сообщения найдет место в воспоминаниях этого времени, составленных очевидцами, которые и подробнее, и правильнее опишут их. Для пояснения же его положения в описываемое мною время} я ограничусь изложением только некоторых сведений об его прошедшей жизни.

Дед^Н Клейнмихеля был простой крестьянин из Финляндии и служил у какого-то знатного господина скороходом. Отец^[12] Клейнмихеля был каптенармусом^[13] шляхетского кадетского корпуса в то время, когда в нем был кадетом Аракчеев^[14], столь могущественный в царствование Императора Александра I. Каптенармус Клейнмихель имел случай оказать разные услуги кадету Аракчееву. Впоследствии этот каптенармус, покровительствуемый генералом Мелиссино^[15], был произведен в офицеры, с оставлением в кадетском корпусе, для командования состоявшими при корпусе нижними чинами, и женился на хорошенькой Анне Францевне Ришар^[16], от которой имел одного сына Петра и нескольких дочерей.

Образование кадет в корпусах, вскоре по их учреждении, было действительно по тому времени замечательное, чему могут служить доказательством лица, выпущенные в это время из корпусов, в начальники коих избирались люди образованные; достаточно назвать графа Ангальта^[17]. Но в последние годы царствования Екатерины II и в особенности при Павле I и Александре I уровень образования в кадетских корпусах сильно понизился; начальство стало обращать внимание не на преподавание наук, а на фронтное обучение. Вместе с тем понизился и уровень образования начальников этих заведений, так что в начале {настоящего} [XIX] столетия мы видим директором кадетского корпуса {человека, не похожего на Ангальта, а} бывшего каптенармуса в том же корпусе, Клейнмихеля, человека без всякого образования, но постигшего вполне фронтную выправку, так что при нем состояла учебная команда, в которую были назначаемы штаб и обер-офицеры из разных полков для фронтного образования.

В это время он, конечно, пользуясь покровительством генерала Мелиссино и в особенности графа Аракчеева, был уже генерал-лейтенантом. Впрочем, все знавшие его говорят о нем как о добром и рассудительном человеке. В бытность его директором кадетского корпуса в этот корпус был записан его сын, будущий граф, который, живя у отца, ничему не учился, а в 1808 г., будучи 15 лет от роду, выпущен подпоручиком с назначением состоять при отце, бывшем тогда командиром резервного корпуса, которого штаб находился в Ярославле.

И так Клейнмихель, избалованный во время воспитания, как единственный сын, и будучи офицером продолжал ничего не делать и жить в своей семье. Это воспитание и жизнь в обществе матери и сестер имели сильное влияние на то, что в Клейнмихеле, несмотря на его зверство, постоянно до старости была заметна какая-то женственность. Но недолго он оставался в Ярославле. Граф Аракчеев взял его в адъютанты и, по связи с отцом, приблизил его к себе; он был совершенно своим человеком у Аракчеева, у которого он жил на всем готовом.

Граф Алексей Андреевич Аракчеев, генерал от артиллерии

Худ. П. Ф. Гельмерсен // Г. А. Гиппиус. Современники: собрание литографических портретов государственных чиновников, писателей и художников, ныне в России живущих. Посвящено Его Величеству государю Императору Александру I Г. Гиппиусом. СПб.: Изд. Г. Гиппиуса, 1822. С. 12

В 1812 г. он был послан с депешами в действующую армию, в которую приехал перед Бородинским сражением и, не участвуя в нем, получил Владимирский крест с бантом. Клейнмихель, и после того не бывший в сражениях против неприятеля, всегда кичился этой наградой, полагая, что никто не знает, что он не имел права на ее получение; храбрость не принадлежала к числу его добродетелей. Сохранилось множество анекдотов о ругательствах, которыми Аракчеев осыпал Клейнмихеля, но тем не менее он быстро вел Клейнмихеля вперед. В начале 1813 г. Клейнмихель сопровождал Великих Князей Николая и Михаила Павловичей в армию, причем назначен флигель-адъютантом 21 года от роду. По случаю отступления союзных войск в начале 1814 г. Великие Князья остались на правом берегу Рейна, и Клейнмихель с ними. Таким образом, он не участвовал в кампании 1814 г.^[18]

По возвращении наших войск в Россию Клейнмихель был назначен петербургским плац-майором и вскоре, в чине полковника, начальником штаба военных поселений, которых главным начальником был Аракчеев.

В этой должности он производил свирепые неистовства, описание которых принадлежит историкам горестного учреждения военных поселений. Если в защиту Клейнмихеля скажут, что он, как подчиненный, исполнял только поручения Аракчеева, то на это можно возразить, что не всякий способен на приведение в исполнение зверских приказаний, а что Клейнмихель был к тому способен, служит доказательством то, что когда Аракчеев хотел сильно наказать какую-либо часть военных поселений, то говаривал:

– Я вам пришлю Клейнмихеля.

И то, что по удалении Аракчеева от дел о Клейнмихеле говорили:

– Аракчеева нет, но зубы его остались.

В 20-х годах Клейнмихель женился на Варваре Александровне Кокошкиной, но они скоро разошлись, {о чем я уже говорил во II главе «Моих воспоминаний»}.

При воцарении Императора Николая Клейнмихель был уже генерал-лейтенантом с Анненской лентой и Владимирской звездой (33-х лет от роду). По удалении от всех должностей Аракчеева он изменил последнему, который до самой смерти не мог ему этого простить. При образовании штаба военных поселений Клейнмихель был назначен директором вновь образованного департамента этих поселений. В 1831 году он был назначен дежурным генералом в войска, действовавших в наших западных губерниях против вторгнувшихся в них польских мятежников^[19], причем распорядился дурно до того, что действия этих войск не велено даже считать походом против неприятеля. По возвращении в Петербург он приобрел влияние на военного министра графа Чернышева и назначен дежурным генералом Главного штаба Его Величества, с сохранением прежней должности, несмотря на то что Государь явно высказывал Чернышеву свое неблаговоление к Клейнмихелю.

Между тем Клейнмихель, разведенный с первой женою по указу Синода, которым он лишен был права вступать во второй брак, женился на молодой, богатой, бездетной вдове Хорват, урожденной Ильинской, {воспользовавшись своим званием генерал-адъютанта для совершения над ними венчания}.

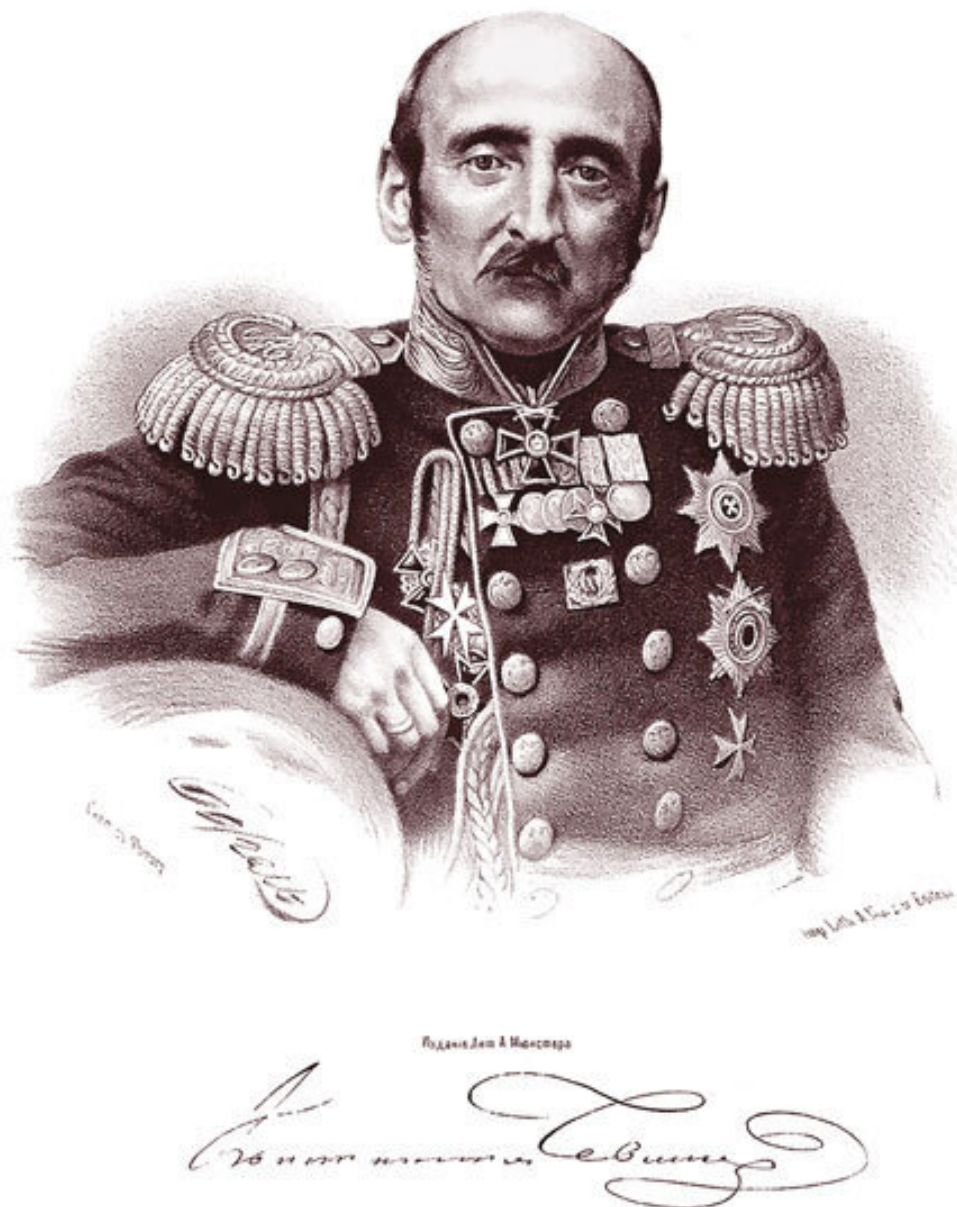
Сестра его второй жены была замужем за Аркадием Аркадиевичем Нелидовым^[20]. Сестра же последнего Варвара^[21], по окончании воспитания в Смольном монастыре, жила у Клейнмихелей в доме Главного штаба. Молодая Нелидова очень понравилась Государю {и вскоре сделалась его любовницею}. Многие обвиняют Клейнмихеля в том, что он этому способствовал, но я слышал от достойных веры людей, что он, напротив того, принимал меры, конечно, не вполне энергичные, удалить Нелидову от Государя, за что неблаговоление последнего к Клейнмихелю еще более увеличилось. Но когда эти меры не помогли, то Клейнмихель воспользовался положением, {которое ему сделано было присутствием в его доме любовницы Государя}.

Клейнмихель, при частых посещениях Государя, умел выказать ему свою неограниченную преданность, полное усердие к службе и энергию при беспрекословном исполнении даваемых ему Государем приказаний. Подобная личность была идеалом слуг, каких Государь желал иметь везде, и потому понятно, что Клейнмихель вскоре попал в большую милость, которая давала ему возможность обращаться начальнически не только с военными лицами, более или менее ему подведомственными, как дежурному генералу, но со всеми служащими в других ведомствах. Клейнмихель, о котором все говорили, что он разошелся с первой женою по причине физического недостатка, имел от второй жены много детей, и первые ее роды были двойни. {Известно было, что и Нелидова была беременна, а так как не знали, куда деваются ее дети, то все были уверены, что жена Клейнмихеля не рожала, а принимала детей Нелидовой за своих. Но это пустая выдумка: стоило только взглянуть на родившихся в это время детей Клейнмихеля, чтобы видеть, насколько они на него походили.}

Государь, желая возобновить сторевавший Зимний дворец в необыкновенно короткий срок, главным распорядителем при этом назначил Клейнмихеля. Вероятно, при другом распорядителе постройка дворца стоила бы дешевле и некоторые части его были бы изящнее, но нет

сомнения, что никто, кроме Клейнмихеля, не мог его окончить в такой короткий срок^[22]. По окончании перестройки дворца Клейнмихель получил вдруг несколько наград и в том числе графское достоинство с девизом в гербе: «Усердие все преодолагает». Говорят, что пожалование Клейнмихеля графом дало повод графу Толю сказать, что его надобно было бы назвать графом Клейнмихелем Дворецким.

В начале 1842 г. Государь желал скорого устройства железного пути между столицами^[23], вопреки мнению многих высокопоставленных лиц и, между прочими, министра финансов графа Канкрин^[24] и главноуправляющего путями сообщения графа Толя. Последний даже отстранил заведование постройкой дороги от Управления путями сообщения. Государь учредил тогда комитет для этой постройки, в который назначил председателем Наследника и членами некоторых из министров и, сверх того, Клейнмихеля, Чевкина (Константина Владимировича)^[25]. Граф Толь был в это время опасно болен, и нельзя было не предвидеть, что после смерти его постройка железной дороги перейдет в Главное управление путей сообщения и главноуправляющим будет назначен тот, кого назначат главным распорядителем в означенном комитете по устройству железной дороги.

Константин Владимирович Чевкин

Рис. П. Ф. Бореля с фотографии // Портретная галерея русских деятелей. 1864–1865 / А. Э. Мюнстер. Т. 1: 100 портретов. СПб., 1865. Л. 97

Чевкин незадолго перед этим много путешествовал по Европе и ознакомился с финансовыми и главными техническими вопросами по устройству железных дорог, а потому надеялся быть главным распорядителем по устройству железного пути между столицами и вскоре главным управляющим путями сообщения, каковое назначение могло быть ему лестным, так как в это время ему еще не было 40 лет от роду.

Клейнмихель же не только ничего не знал о финансовых и технических вопросах по устройству железных дорог, но по недостатку образования не мог никогда приобрести о них никакого понятия и, сверх того, никогда не видал ни одной железной дороги. Несмотря на то что Царскосельская железная дорога^[26] была открыта около пяти лет, он, часто бывавший у Государя в Царском Селе, всегда ездил на лошадях.

Однако же Государь, вероятно убежденный, что «усердие все превозмогает», выбрал главным распорядителем по устройству дороги Клейнмихеля, подчинив ему, как члену комитета, канцелярию, при нем образованную.

Клейнмихель, получив это назначение в Царском Селе, немедленно отправился на Царско-сельскую станцию железной дороги и тут в первый раз увидел паровозы, вагоны, рельсы и прочие принадлежности дороги. В то же время он назначен был, {как изложено в IV главе «Моих воспоминаний»}, управляющим Военным министерством по случаю отъезда военного министра на Кавказ, и все полагали, что он будет утвержден в должности военного министра. Это еще давало Чевкину надежду быть назначенным главноуправляющим путями сообщения по смерти графа Толя, но я уже говорил, что главноуправляющим назначен был Клейнмихель. Это соперничество очень не нравилось последнему, и, конечно, Чевкин обязан в особенности этому обстоятельству тем, что на него навлекли немилость Государя; {он во все его царствование, продолжавшееся еще 13 лет, просидел сенатором}.

С самого образования комитета по устройству железной дороги начали происходить разные столкновения между председателем Наследником престола и его членом Клейнмихелем. Эти столкновения продолжались и по назначении последнего главноуправляющим путями сообщения, когда вместе с этим назначением канцелярия комитета была преобразована в департамент железных дорог, вошедший в состав Главного управления путей сообщения. В упомянутых столкновениях все обвиняли Клейнмихеля, но, вероятно, Государь думал иначе, потому что продолжал быть по-прежнему к нему милостивым.

По назначении Клейнмихеля главноуправляющим он вскоре отправился для осмотра Московского шоссе, начальствующие лица над которым жили в Новгороде, и потому они и некоторые из их злоупотреблений были ему довольно известны по нахождению большей части военных поселений в Новгородской губернии. Клейнмихель, по осмотре Московского шоссе, отдал очень длинный приказ, в котором описал жалкое состояние шоссе; оно было действительно таковым, в особенности по причине беспрестанно уменьшаемых Толем, или лучше сказать Девят(н)и ным, средств на его содержание, а частью и от злоупотребления заведовавших ремонтом шоссе. В этом же приказе Клейнмихель подробно описал строившийся в Новгороде дом майора Дженеева^н, бывшего командиром 1-го батальона военно-рабочей бригады путей сообщения, которой нижние чины состояли при ремонте шоссе. Это описание, наполненное иронической злобою {и которое стоило бы привести в подлиннике}, давало понять, что Дженеев строит дом на деньги, украденные из сумм, отпускаемых на содержание шоссе, употребляя на работы подчиненных ему нижних чинов.

Первое было несправедливо, потому что Дженеев не имел никакого влияния на ремонт шоссе, вполне зависевший от инженеров путей сообщения, несколько ему не подчиненных. Солдаты же его батальона были расположены по протяжению шоссе от Петербурга до ст. Едрова на расстоянии 350 верст и также находились в ведении тех же инженеров; при нем в Новгороде состояла только учебная команда человек в 20; из них некоторые были мастеровые и действительно были им употреблены при постройке дома, за что, как оказалось впоследствии, были вознаграждаемы Дженеевым.

Клейнмихель сделал в приказе всем начальствующим выговор, сменил директора шоссе от Петербурга до Едрова инженер-полковника Чедаева^[27] и майора Дженеева и отдал их под суд. Этот приказ произвел большое впечатление в публике; дорого платили, чтобы его достать {и вообще им были довольны; этот приказ подал повод многим посторонним ведомству путей сообщения лицам} на получение приказов Клейнмихеля {по особо назначенной цене}, чего в то время не делалось в других ведомствах. Тогда никто не обращал внимания на то, что все действия Клейнмихеля были в высшей степени произвольны, а насмешки начальника над подчиненными неуместны. Князь [Александр Сергеевич] Меншиков^[28], бывший морским мини-

стром, известный своими остротами, не любил Клейнмихеля и называл этот приказ и другие ему подобные «впечатлениями путешествия графа Клейнмихеля».

С самого вступления Клейнмихеля в управление произвол его выказывался во всем: в немедленном, необдуманном изменении состава центральных учреждений Главного управления, в увольнении и определении высших и низших чиновников без всякого разбора, в разорвании без объяснения причин докладов, подносимых департаментами и другими учреждениями Главного управления и т. п. Если же для увольнения чиновника требовалось по существовавшим постановлениям Высочайшее повеление, то он испрашивал таковое. Он отставил одного офицера от службы без следствия и не спросив объяснения у отставляемого, который через это лишился права на пенсию и права продолжать службу в каком бы то ни было ведомстве.

Все дурные стороны Клейнмихеля и его проделки в двухмесячное управление ведомством путей сообщения были мне известны, но я, несмотря на это, не имея более надежды состоять при военном министре, был доволен своим назначением состоять при Клейнмихеле. Я надеялся, что при нем пойдет все живее, тогда как при Толе все находилось в летаргическом сне, что возникнут новые пути сообщения и старые будут лучше содержимы и что строгостью своею он уничтожит злоупотребления. К этому примешивалась и надежда, при близких моих отношениях к Клейнмихелю, иметь возможность помогать ему во всем {вышесказанном}, а в особенности в уничтожении злоупотреблений, причем по возможности умерять его произвол и излишнюю строгость. Я надеялся также, что при моем новом положении мне легче будет сделать служебную карьеру, которая была бы для меня немислима при назначении главноуправляющим Девят(н)ина, как по его неприятным ко мне отношениям, так и по его малому значению у Государя, тогда как Клейнмихель {был в большой милости, а так как он} сам был скоро выведен к занятию высших должностей {по службе}, то я предполагал, что он так же будет выводить и тех, которых он приближал к себе, и что вообще он поднимет значение инженеров путей сообщения, на которых Государь не обращал никакого внимания, а общественное мнение было не в их пользу.

Из дальнейшего рассказа читатель увидит, насколько я ошибся в большей части моих надежд. В действительности оказалось, что только дела пошли живее, в двухмесячное управление Клейнмихеля исполнение по входящим в Главное управление бумагам делалось быстро, они не залеживались по-прежнему. Дурной слог и почерк бумаг, исходящих из Главного управления, {успел} измениться к лучшему; бóльшую часть бумаг стали составлять с бóльшим тщанием, а почерк во всех сделался вдруг весьма хорошим; меня всегда удивляло, как могло быть достигнуто так скоро подобное превращение. Вскоре было приступлено к составлению общей сети водяных и шоссейных сообщений в империи и приняты меры к быстрому производству работ по железной дороге между столицами.

Но все другие мои надежды не исполнились; злоупотребления при Клейнмихеле увеличились с увеличением разных новых построек и средств для ремонта прежде устроенных, и немалая доля вины в этом падает на дурные распоряжения Клейнмихеля. Значение инженеров путей сообщения не только не было им поднято, а еще унижено переводом в инженеры лиц, не имевших никаких познаний. Клейнмихель постоянно говорил Государю, что он должен делать все один за неимением способных людей между инженерами; не говорю уже об их унижении от непрерывных ругательств, которыми он их осыпал, и его насмешек над ними. Он никого, даже самых приближенных к нему, не подвигал быстро по службе.

Клейнмихель, занимая долго должность дежурного генерала Главного штаба^[29] Его Величества, а в последнее время управляющего Военным министерством и пользуясь особенной милостью Государя, имел в военном ведомстве большое значение. Все высшие военные чины, все аристократические семейства, которых члены преимущественно избирали тогда военную карьеру, в известной степени зависели от Клейнмихеля. Разные учреждения Военного мини-

стерства, по его сложности, были многочисленны, и, следовательно, огромная масса лиц была подчинена ему. С назначением же Клейнмихеля главноуправляющим путями сообщения он имел подчиненными только инженеров путей сообщения и небольшое число гражданских чиновников. Между ними не было ни важных лиц в чиновной иерархии, ни лиц, принадлежащих к так называемой знати, и уже через это значение Клейнмихеля должно было уменьшиться. Новое его назначение не могло не отозваться и на положение его относительно Государя, который обращал внимание на все мелочи по военному ведомству, что давало случай Клейнмихелю часто видеть Государя, {и мало заботился о делах ведомства путей сообщения, так что} граф Толь не имел даже личного доклада у Государя, тогда как военный министр имел ежедневные доклады. Впрочем, Клейнмихель немедля по своем назначении получил разрешение, наравне с некоторыми другими министрами, являться один раз в неделю (по четвергам) с личным докладом. Тогда это считалось особой милостью, так как некоторые из министров, и в том числе министры внутренних дел и юстиции, не имели личных докладов в определенные дни недели, а присылали Государю свои доклады; когда же, по особому случаю, находили нужным что-либо лично доложить, то на это испрашивали дозволение.

Наружная обстановка, которая имела тогда весьма большое значение, была у главноуправляющего путями сообщения жалкая сравнительно с тою, к которой привык Клейнмихель. Он привык иметь к своим услугам большое число адъютантов Главного штаба Его Величества и прикомандированных к штабу офицеров, а равно фельдъегерей и ординарцев от разных частей войск. В новой же должности Клейнмихель сохранил только четырех адъютантов и, вместо множества ловких фельдъегерей в офицерских чинах или по крайней мере в офицерской форме, пришлось довольствоваться двумя кое-какими курьерами Главного управления путей сообщения; впрочем, Клейнмихель выбрал в эту должность довольно благообразных людей и одел их хорошо. Ординарцев из разных частей войск надо было также лишиться; тогда в ведомстве путей сообщения было много нижних чинов, но, конечно, они, назначенные из неспособных к военной службе, не годились в ординарцы ни к кому, а не только к Клейнмихелю.

По приезде моем в Петербург я застал еще остатки прежней блестящей обстановки Клейнмихеля; по привычке еще дежурил у него один фельдъегерь для посылок и назначались ординарцами два молодцеватые унтер-офицера одного из учебных карабинерных полков, которые были непосредственно подчинены департаменту военных поселений. Но вскоре исчезли и фельдъегерь, и унтер-офицеры, и нельзя было не заметить, что это было неприятно Клейнмихелю.

В числе адъютантов Клейнмихеля была одна замечательная личность, поручик Герштенцвейг^[30]. Он был очень умен, имел весьма приятную наружность; {я с ним скоро сошелся}. Клейнмихель с самого вступления своего в новую должность поручал ему производство дознаний и следствий по доходившим сведениям о разных злоупотреблениях в ведомстве путей сообщения, и он, несмотря на свою молодость и неопытность, хорошо исполнял эти поручения. Я находил только, что он слишком с темной стороны смотрел на открываемое им при дознаниях и следствиях, что очень нравилось Клейнмихелю. Впрочем, этот взгляд Герштенцвейга происходил не от желания угодить Клейнмихелю, а [был] свойственен его натуре. Я находил, что он имел много общего с Клейнмихелем; только был гораздо более образован и менее вспыльчив.

Впоследствии Герштенцвейг, не желая постоянно подчиняться произволу Клейнмихеля и не видя, чтобы в звании адъютанта последнего можно было сделать служебную карьеру, поступил в чине капитана во фронт в Преображенский полк, где вскоре был сделан флигель-адъютантом. В последний раз я его видел у него на даче в начале августа 1861 г., когда он был дежурным генералом Главного штаба Его Величества и генерал-адъютантом. Он мне тогда сказал, что назначен варшавским генерал-губернатором, а граф Ламберт^[31] заместителем

Царства Польского, и объяснял, что ему очень не хотелось принимать новой должности, но по тогдашним обстоятельствам в Царстве и по хорошим его отношениям к Ламберту он не мог от нее отказаться.

Известно, что вследствие неприятностей между ними^[32], в которых все обвиняют Ламберта и оправдывают Герштенцвейга, он ранил себя выстрелом из револьвера, долго мучился от раны и в продолжение своей мучительной болезни не открыл причины, заставившей его прибегнуть к этому. Я не буду излагать здесь то, что знаю о столкновениях между Ламбертом и Герштенцвейгом: нет сомнения, что лица, которым более известны бывшие тогда в Варшаве происшествия, подробно описали в своих записках эту драму.

Прежде меня назначен был состоять при Клейнмихеле только один инженер путей сообщения Толстой^[33] (Григорий Матвеевич), в то время поручик. Перед этим он был адъютантом Толя, который взял его в эту должность как родного внука своего прежнего начальника, славного князя Кутузова-Смоленского. Старшие братья Толстого в это время имели уже некоторое значение при дворе, но тогда говорили, что назначение его состоять при Клейнмихеле доставит ему гораздо лучшую карьеру, чем его братьям, в чем, конечно, ошиблись. Толстой дежурил по очереди с адъютантами, обязанными докладывать Клейнмихелю о приходящих к нему. Я был освобожден от подобного дежурства, а к дежурству в очередь с адъютантами, кроме Толстого, назначен был репетитор Института инженеров путей сообщения поручик Адамович^[34], с оставлением его репетитором. Впоследствии и все другие инженеры, которых Клейнмихель назначал состоять при себе по особым поручениям, по моему примеру не были назначены на дежурство. Толстой был употребляем Клейнмихелем для секретных дознаний, причем употреблял разные неблаговидные средства, как то ложные обещания, переодевание и т. п. Таким образом Толстой, уверив смотрителя судоходства Рожковской пристани на Неве, который получал жалованья в год 114 руб. сер., а должен был издерживать на канцелярию во время судоходства сумму в несколько раз большую, что ему нужно знать, как велика эта сумма и откуда смотритель берет ее, дабы иметь возможность принять это сведение в соображение при новых штатах, – добыл от последнего сведение, что деньги на его канцелярию получаютсся поборами с судопромышленников.

Клейнмихель повторил означенному смотрителю уверение Толстого и, получив от него то же сведение, вслед за сим отдал его под уголовный суд, изложив в приказе, что смотритель сам сознался в незаконных поборах по судоходству. Клейнмихель обладал необыкновенной способностью узнавать людей почти с первого взгляда; он никогда не давал мне поручений, исполнение которых требовало бы каких-либо неблаговидных поступков.

Впрочем, Толстой скоро надоел Клейнмихелю и был назначен членом общего присутствия департамента хозяйственных дел Главного управления путей сообщения, а с открытием войны 1853–1856 гг. инспектором военных сообщений действующей армии. Живя гораздо выше своих средств и нуждаясь всегда в деньгах, Толстой имел репутацию бесчестного чиновника, но эта репутация не помешала по окончании войны назначить его начальником I (Петербургского) округа путей сообщения, где он требовал, чтобы его подчиненные давали ему деньги, заставляя их обкрадывать казну; вообще, во взяточничестве он дошел до такого цинизма, что наконец был уволен от этой должности по настоянию С.-Петербургского военного генерал-губернатора князя Суворова^[35]. Вскоре, однако же, главноуправлявший путями сообщения [*Павел Петрович*] Мельников^[36], желая угодить брату Толстого, Ивану Матвеевичу^[37], бывшему главноначальствующему над почтовым департаментом и пользовавшемуся особенной милостью Императора Александра II, назначил Г. М. Толстого начальником IX (Ковенского) округа путей сообщения. Но и из этой должности, по той же причине, он был вскоре уволен и поступил в частную службу к бывшему тогда купцом 1-й гильдии еврею Самуилу Соломоновичу Полякову^[38], строившему железную дорогу от Аксайской станицы в земле Войска Донского до Ростова-на-Дону.

Толстой ничего не понимал в устройстве железных дорог, так что означенную дорогу строили другие инженеры, а Поляков взял его и давал ему значительное содержание только из угождения брату его И. М. Толстому, которому Поляков был многим обязан и, между прочим, получением концессии на постройку Воронежско-Козловской железной дороги, {о чем будет мною изложено в своем месте}. Несмотря на то что Г. М. Толстой не участвовал в постройке Аксайско-Ростовской железной дороги, бывший наказной атаман Войска Донского генерал-адъютант Потапов^[39], в речи, произнесенной на обеде при открытии этой дороги, сказал, между прочим, что знаменитый дед строителя (мнимого) дороги вел в 1812 г. Донское Войско к победам, а его внук ведет войска посредством устроенного пути к улучшению его благосостояния.

Тогда же Толстой получил Анненскую ленту, конечно по ходатайству Полякова. В это время концессии на постройку железных дорог выдавались разным лицам, и в числе их Полякову, называвшимся учредителями дороги. К этим учредителям назначались для изыскания по составлению проекта дороги и для ее устройства инженеры, преимущественно путей сообщения, всех чинов и даже генералы. Это было одной из многих причин упадка значения чинов; прежде только старший в чине и должности мог ходатайствовать о награде его подчиненных; при устройстве же железных дорог купцы ходатайствовали о повышении чинами и о награждении орденами инженеров и лиц других ведомств, участвовавших в постройке дороги, представляя за своею подписью министру путей сообщения списки тех лиц, которых они этого удостоивали, по форме, установленной для представления к наградам начальствующими лицами своих подчиненных.

Таким образом потомственный почетный гражданин Поляков по открытии Харьковско-Азовской дороги представил в 1870 г. мне, временно тогда управлявшему Министерством путей сообщения, за своей подписью, список с представлением о наградах инженеров и других лиц, участвовавших в постройке означенной дороги, и между прочими инженер-генерал-майора Толстого к Владимирской звезде, награде, тогда почитавшейся, несмотря на упадок значения орденов, еще весьма значительной. Я не дал дальнейшего хода представлению Полякова о Толстом, который вскоре после этого умер. Несмотря на то что последний получал от Полякова большое содержание, он, продолжая жить выше своих средств, кроме долгов ничего не оставил.

Клейнмихель часто принимал меня {к себе} по утрам, – причем поручал мне рассмотрение некоторых дел и говорил о своих предположениях относительно преобразования ведомства путей сообщения, – к обеду и на вечера для карточной игры, сажая меня постоянно за тот стол, на котором играла его жена, и всегда обращаясь со мною благосклонно. Я, впрочем, старался всеми мерами избегать близких с ним сношений, опасаясь, что это поведет к фамильярничанию с его стороны, которому я ни по летам, ни по моему положению отвечать бы не мог. С этой целью я ездил к нему по вечерам по возможности редко и, когда он слишком часто присылал ко мне курьера звать на вечер, я приказывал сказать, что меня нет дома, и не приезжал на вечер. После этого Клейнмихель обыкновенно меня спрашивал, отчего я не приехал по его приглашению; я отвечал, что, вернувшись в тот день домой поздно вечером, я не мог воспользоваться его приглашением. Он же удивлялся тому, где я мог проводить целые дни вне дома. Вообще я избегнул его фамильярности, которую он себе позволял с лицами гораздо старшими меня и летами и по службе. Одного не умел я предотвратить: чтобы он мне не говорил «ты», но на этом и ограничилась его фамильярность со мною. Когда я встречался на вечерах Клейнмихеля с Н. С. Вадковской и Т. С. Норовой, то они метали на меня страшные взгляды и ни под каким видом не хотели садиться со мною за один карточный стол, что очень забавляло Клейнмихеля.

Из его предположений насчет ведомства путей сообщения, которые он сообщал иногда мне по утрам, упомяну о следующем. Он полагал поручить особому комитету составить стро-

ительный устав, в котором были бы изложены статьи, указывающие, как следует строителю поступать в известных случаях при всякого рода постройках. Он мне говорил, что по составлении такого устава ему не нужны будут инженеры и он из существующего состава инженеров путей сообщения оставит немногих ему нравящихся (конечно, я был в том числе) и назначит инженерами (!) известных ему своею исполнительностью лиц военного ведомства, которые и будут производить все постройки на основании статей строительного устава, не имея надобности ни в каких знаниях, кроме этого устава^[40]. Выше упомянутый комитет был вскоре учрежден; понятно, что он ничего не сделал, так как предложенная ему задача была неразрешима.

Жена Клейнмихеля, графиня Клеопатра Петровна, несмотря на происки своих приятельниц, была со мною любезна; она была женщина умная, но в ней, при ее недостаточном образовании, видна была провинциалка, желающая, {но неудачно}, выказать себя барыней большого света. Конечно, она должна была много терпеть от характера мужа, вспыльчивости и цинизму которого не было пределов. Сверх того, он был преисполнен малыми капризами, как старая дева, а известно, что именно эти капризы несносны в обыденной жизни. Их дети были тогда еще малы, но их, и в особенности сыновей, дурно воспитывали; последние, подражая отцу, были дерзки с теми, с кем он был дерзок, и любезны, с кем он был любезен; {я, конечно, был в числе последних. Я не буду говорить о тех лицах, которых видал за обедами и на вечерах Клейнмихеля; упомяну о них только вскользь}. Клейнмихель принимал почти каждый вечер; собирались в 9 часов вечера и немедля садились за карточные столы; составление партий для игры лежало на обязанности Петра Александровича Языкова^[41], бывшего тогда инспектором в Институте инженеров путей сообщения, в чине полковника, и назначенного, по производстве в генерал-майоры, членом Совета Главного управления путей сообщения, тогда как прежде в этом ведомстве в члены Совета назначались только заслуженные генералы.

Языков не смел никуда отлучаться из дому после 8 часов вечера; он в это время ожидал присылки за ним курьера, если уже не был приглашен накануне. Клейнмихель дозволял себе самым неприличным образом обращаться с Языковым. Несмотря на то что Языков был почти одних лет с Клейнмихелем, он говорил Языкову «ты»; когда последний, играя в карты, был в выигрыше, Клейнмихель называл его «шубой», уверяя, что Языков столько выиграл у жены Клейнмихеля, что сшил себе на выигранные деньги несколько шуб; увидя у Языкова хорошие карты, Клейнмихель толкал его в бок, приговаривая: «ах ты, горбатый» (Языков был очень сутуловат), и рассказывал, какие он видел карты у Языкова.

В путешествие свое для осмотра работ в 1843 г. Клейнмихель взял с собой Языкова. Клейнмихель садился в карету очень живо, а Языков, по тучности и сутуловатости, медленно. Клейнмихель при всех передразнивал, как Языков лезет в карету, приговаривая: «лезет не лезет», и называл Языкова «бабою с клыками» (у Языкова несколько зубов выходили вперед изо рта). Когда Языков вздумал, сидя в карете с Клейнмихелем, нюхать табак, последний взял у него табакерку и выбросил ее в окно. Языков все это терпел, а между тем был вообще человек честный, благородный, образованный и рассудительный. Это терпение со стороны Языкова можно объяснить только духом времени, в которое приходилось покоряться всему, что приходило в голову начальнику, пользующемуся милостью Государя; иначе можно было умереть с голоду.

Клейнмихель в особенности любил, чтобы к нему приезжали по субботам слушать в его домашней церкви всенощную и потом играть в карты. Все ездили поклоняться временщику, и не раз в числе богомольцев, проводивших субботние вечера у Клейнмихеля, я видал графа Дмитрия Николаевича Блудова^[42], бывшего тогда главноуправляющим II отделением канцелярии Государя. За обедом и на вечерах Клейнмихеля я часто видал В. А. Нелидову, которая жила в это время, как фрейлина, в Зимнем дворце. Она старалась держать себя величаво, так что старшие сыновья Клейнмихеля, тогда еще мальчики, между собой постоянно над нею смеялись, давая ей разные прозванья. Часто после обеда, когда Клейнмихель уходил спать, В. А.

Нелидова следовала за ним. Он ее принимал лежа и на своем казарменном жаргоне звал ее стервой, иногда так громко, что и посторонние это слышали.

Клейнмихель на своих вечерах оставался обыкновенно с 9 до 11 часов; в это время он уходил, и ужинали без него. Обращение его с гостями зависело от расположения, в котором он находился. Гораздо позже, когда отношения Государя к нему сделались холоднее, по четвергам вечером можно было угадать, в каком был к нему расположении Государь в этот день при докладе. Когда Клейнмихель был любезнее обыкновенного, это значило, что Государь был неблагосклонен к нему. В отношениях к своим гостям Клейнмихель был очень неровен; имевшие значение при Государе, конечно, были почтены более других, но не имевшим этого значения случалось выслушивать разные неприятности, а когда Клейнмихель, несмотря на принимаемые женою его меры, пылил, то эти неприятности доходили до безобразия. Относиться при госте сенаторе с пренебрежением о Сенате, давать при всех приказания статс-секретарю Государственного Совета тайному советнику Никитину^[43] о том, как вести какое-либо дело, которым Клейнмихель интересовался, ничего не значило.

Из вспышек Клейнмихеля упомяну <только о том>, что он на вечере при всех самым неприличным образом разругал Алексея Ивановича Войцеховича, уже тогда занимавшего важную должность, а впоследствии члена Государственного Совета, что не помешало последнему вскоре опять приехать на вечер к Клейнмихелю. Бывший с. – петербургский военный генерал-губернатор, генерал от инфантерии [*Александр Сергеевич*] Шульгин^[44], который по возвращении из путешествий Клейнмихеля в Петербург являлся к нему в полном мундире, {со времени устройства железной дороги, на ее станции}, чем-то не сумел угодить Клейнмихелю, а между тем приехал к нему на вечер. Клейнмихель приказал своему швейцару отказать Шульгину, ругая последнего неприличными словами и громко говоря, что его следует выгнать кулаками в спину, {так громко, что} Шульгин не мог этого не слышать. {Впрочем, эта брань Шульгина, а также и Войцеховича, происходила гораздо позже описываемого мною времени и приведена здесь только как пример дерзости Клейнмихеля, когда он выходил из себя.}

Надо сказать, что Клейнмихель умел переходить внезапно от порывов сильнейшего гнева к выражению полной любезности; глаза его, сверкавшие в первом случае как у тигра, в один миг изменялись и делались глазами самой ласковой ручной кошки; голос, весьма грубый при ругательствах, в один миг делался нежным.

Перехожу теперь снова к описанию осени 1842 г. Расположение Клейнмихеля ко мне, конечно, сделалось вскоре известным, в особенности инженерам путей сообщения; некоторые из них уже искали моего покровительства. В это время воротился в Петербург корпуса инженеров путей сообщения полковник Трофимович^[45] (умерший в чине генерал-майора в отставке), посланный во время управления Девят(н)и ным инспектировать некоторые части ведомства путей сообщения. Находясь во внутренних губерниях и не зная о назначении Клейнмихеля, Трофимович присылал свои донесения в том духе, как требовалось при Девят(н)и не, так сказать в чиновничьем духе, и только намекал на беспорядки, чтобы не подвергнуться нареканию за то, что умолчал о них, но не выставлял их ярко, чтобы не {иметь вида} хулить то, что было известно и высшему начальству и так долго терпелось. Когда Трофимович узнал о назначении Клейнмихеля, он изменил тон своих донесений, но все же не сумел угодить новому начальнику, который с ироническими замечаниями печатал в своих приказах места, вырванные из донесений Трофимовича. Трофимович по возвращении в Петербург слышал, что я нахожусь в милости у Клейнмихеля, и ошибочно полагал, что я нахожусь с последним в близких отношениях; вследствие этого, выйдя из кабинета Клейнмихеля и увидев меня в приемном зале, он сказал своим необыкновенно визгливым голосом:

– Как Вы счастливы, что назначены состоять при графе; ведь это настоящий ангел. Я и прежде его видел, но теперь могу сказать, что и голос его ангельский, а лицо может служить

типом лику Спасителя для местных образов в церквах. Да ведь Вы лютеранин и не знаете, что такое местный образ.

Я ему отвечал, что я православного исповедания и знаю, что называется местными образами. Но этот ответ не помешал Трофимовичу объяснить мне в подробности значение этих образов и повторить, что лицо графа должно служить прекрасным типом для написания лика Спасителя. В самом начале вышеприведенной фразы Трофимовича в дверях приемного зала показался Клейнмихель, к которому Трофимович стоял спиной и потому не мог его видеть. Клейнмихель мне дал знак, чтобы я не обращал на него внимания, и выслушал с иронической улыбкой все сказанное мне Трофимовичем. Когда я взошел в кабинет Клейнмихеля, он очень смеялся над описанною мною сценою.

В ноябре я был приглашен военным министром в его канцелярию, где он мне дал дело по устройству в области черноморских казаков на правом берегу Кубани неприступных каменных башен для помещения в каждой четырех казаков и просил меня, как хорошо знакомого с местностью, дать заключение по этому предмету. Казаки, помещенные в означенных башнях, должны были ограждать наш берег Кубани от нападения горцев и заменить казаков, доселе располагавшихся по камышам (такого казака называли секретом) и составлявших, так сказать, одну цепь. Конечно, жизнь этих секретов на болотной почве, под открытым небом, была незавидная, но они не только постоянно были в сношении между собой, но имели сообщение и с казачьими постами, находившимися на почтовой дороге, и с казачьими селениями, а некоторые из них даже позволяли себе переходить Кубань и наносить если не большой вред горцам, то пугать их своим удалством.

Это, следовательно, была живая сила, которая могла делать даже нападение, и эту живую силу хотели запереть в неприступные башни, в которых казаки могли бы только защищаться от нападения и не только не могли бы идти за Кубань, но даже при нападении горцев иметь сообщение с казачьими селениями и постами. Сверх того, постройка башен по неимению вблизи каменного материала стоила бы чрезвычайно дорого. Эта постройка была уже утверждена военным инженерным управлением, и на переданных мне чертежах башен имелась подпись Великого Князя Михаила Павловича, бывшего тогда генерал-инспектором по инженерной части; надо было составить заключение так, чтобы отменили постройку башен, не делая тем неудовольствия Великому Князю. В тот же день я составил мое заключение; когда я его оканчивал, приехал курьер Клейнмихеля с приглашением к обеду. После обеда последний меня спросил, зачем я утром был в канцелярии военного министра, и на полученный от меня ответ сказал, что я состою под его начальством, а потому не только не обязан, но не имею права исполнять чьи бы то ни было служебные поручения, и приказал немедленно отвезти переданное мне дело обратно к Чернышеву без всякого заключения, к чему прибавил, что Чернышев очень любит чужими руками жар загребать, что Чернышеву известно, при ком я состою по особым поручениям, а потому ему не трудно было вытребовать мое заключение через Клейнмихеля. Я отвечал, что полагал себя обязанным явиться на призыв военного министра и исполнить поручение, не отвлекающее меня от служебных занятий, и потому просил Клейнмихеля отменить его приказание {об отдаче Чернышеву вышеупомянутого дела без моего заключения}, так как я обещал его представить. Клейнмихель возразил мне, что я не буду иметь времени исполнить это, так как {я найду в его канцелярии подписанное уже им предписание, коим} поручается мне составление проекта моста по американской системе (Гоу)^[46] через Днепр в г. Киеве, предварительно получив по этому предмету наставление от полковника [*Павла Петровича*] Мельникова, бывшего в то время директором работ по устройству железной дороги от Петербурга до Бологого и жившего в с. Соснинской пристани, куда и предписывалось мне ехать немедленно. Клейнмихель мне подтвердил, что я должен выехать в тот же вечер и потому не успею представить Чернышеву мое заключение. Я отвечал, что оно мною написано еще утром

и, вероятно, теперь уже переписано и потому, пока приведут мне почтовых лошадей, я успею отвезти мое заключение.

Клейнмихель мне сказал, что я в это время нигде не найду старого колпака, как он называл Чернышева. Я отвечал, что отдам мое заключение состоящему при Чернышеве полковнику [Павлу Александровичу] Вревскому^[47]. Клейнмихель на это согласился, но приказал, чтобы я впредь никогда не брал никаких поручений ни от военного министра и ни от кого-либо другого, а тем, которые будут мне что-либо поручать, говорил, чтобы они эти поручения передавали через него. Я отвез мое заключение {по вышеупомянутому проекту} Вревскому, передал ему приказание, полученное от Клейнмихеля, и в тот же день поехал к Мельникову в Соснинскую пристань. Конечно, военный министр не давал мне после этого никаких поручений.

Я не мог понять, каким образом Клейнмихель мог узнать так скоро о том, что я был у Чернышева. Это мне пояснилось по возвращении моем от Мельникова; бывая у Клейнмихеля, я заставал у него каждый раз [Максима Максимовича] Брискорна^[48] (умершего в 1872 г. членом Военного совета) и узнал, что последний, состоявший директором канцелярии военного министра, был уволен от службы. Говорили, что причиною увольнения Брискорна было то, что во время управления Военным министерством Клейнмихеля Брискорн в надежде, что последний останется военным министром, сблизился с ним и, так сказать, выдал ему Чернышева. На изъявленное мною удивление Клейнмихелю об отставке Брискорна он мне сказал, что это ненадолго и что последний вскоре получит более высшую должность по службе; действительно, через несколько дней он был назначен товарищем государственного контролера.

Я приехал к Мельникову в Соснинскую пристань на другой день утром. Он показал мне все относящееся до проектирования листовых ферм по системе Гоу. Мельников жил в избе в двух комнатах; в одной из них стояли большой стол из простого дерева для чертежей и несколько самых простых стульев, диван и кровать; кроме этого, комнаты ничем не отличались от обыкновенного крестьянского помещения.

Перед обедом [Павел Петрович] Мельников мне сказал, с постоянной его иронией, что он не ожидал принимать у себя такого московского гостя, а потому не успел приготовить обеда, и я должен буду довольствоваться тем, что готовит ему ежедневно хозяйка {занимаемой им} избы, а именно щи с говядиной и тараканами (так он называл черную капусту, плававшую во щах) и кашу. Он мне предложил серебряный столовый прибор, а сам употреблял деревянную ложку, сказав, что этот серебряный прибор есть первая его собственность и что он ему подарен его невестой (Надеждой Филипповной, урожденной Викторовой^[49]), {о которой я упоминал во II главе «Моих воспоминаний»}. Во время обеда он вспомнил, что при отъезде его из Петербурга та же невеста дала ему сладкий кондитерский пирог, которого он еще не начинал. Он вынул пирог из шкафа, но так как этому пирогу было более двух месяцев, то его нельзя было есть, и пришлось немедленно выбросить. Вечером подали нам сальные свечи в грязных бутылках вместо подсвечников. Я приехал к Мельникову без прислуги, а потому он трунил, что мне, московскому баричу {(не знаю, почему он считал меня баричем)}, придется, ложась спать, самому раздеваться и разуваться.

Впоследствии Мельников переехал в село Чудово, находящееся на шоссе между двумя столицами, где я у него бывал неоднократно. В Чудове он занимал комнаты верхнего этажа довольно большой избы, которые были порядочно меблированы, и ел он сносно. Но вообще он продолжал быть постоянно таким же скупым, как и прежде. Приведу несколько примеров его скупости. До самого назначения его главноуправляющим путями сообщения он, имея уже довольно значительный капитал и хорошее содержание по службе, жил в одной комнате у брата своего Александра [Александр Петрович Мельников], имевшего квартиру в придворном конюшенном доме.

В 1860 г. я ехал с ним в одном вагоне из Петербурга до ст. Любани, подле которой он и брат его Александр построили дачи. В тот же вагон сели несколько инженер-поручиков, только

что кончивших курс в Институте инженеров путей сообщения и выпущенных на действительную службу. Некоторые из этих молодых людей были щегольски одеты; Мельников, впрочем очень справедливо, заметил им, что это щегольство и вообще жизнь выше средств не ведет никого ни к чему доброму, а инженеров ведет к тому, что они делаются ворами и грабителями казны, что, когда он был выпущен в офицеры, жалование было еще менее настоящего, но что он и из него умел сберечь значительную часть и положить ее в сохранную казну^[50] { (надо полагать, что он мог это достигнуть, вероятно, имея готовый стол и квартиру) }, чего мог достигнуть тем, что всегда долго обдумывал, прежде чем решиться на какой-либо расход; так, он, указав на свою шинель, сказал, что это вторая только шинель в продолжение его почти 40-летней службы и что он сшил ее при производстве его в майоры.

В бытность Мельникова министром он часто разъезжал по России в тарантасе и ел так дурно во время путешествий, что никто, не только из инженеров и чиновников, состоящих при министерстве, но и из писарей не хотел с ним ездить. Он брал с собой во все путешествия служившего в ведомстве путей сообщения и вместе с тем при Императорских театрах медика Шюца^H. Последний в Петербурге жил в Доме министра и целые дни проводил в семействе брата Мельникова, которое, в бытность Мельникова министром, также жило в том же доме. Во время путешествий Мельникова Шюц не мог ему быть ни в чем полезен. Мельников заклятый гомеопат, а Шюц аллопат, как все уверяют, очень плохой; сверх того, он не умел правильно писать по-русски. Почерк Мельникова был очень дурен; в бытность Императора и Императрицы в 1867 г. в Варшаве^[51] Государь поручил Мельникову немедленно представить план вагонов, в которых должна была ехать Императрица из Варшавы, с показанием размещения в вагонах Императрицы, Великих Князей, Великой Княжны и других лиц. Мельников поручил, за неимением под рукою писца, сделать надписи о размещении Шюцу. В это время я зашел к Мельникову, который мне показал предполагаемое им размещение; я заметил, что нельзя представить изготовленного плана Государю, так как надписи писаны не по-русски, а по-тарабарски, и спросил Мельникова, зачем он возит с собой чиновника, по-видимому ему совершенно бесполезного. Мельников с постоянной своей иронией отвечал мне, что Шюц ему полезен тем, что, когда Мельников вздумает во время путешествия дать кому-либо гривенник на водку, Шюц норовит ничего не дать, и гривенник остается в кармане у Мельникова.

По возвращении из Соснинской пристани я, недолго пробыв в Петербурге, поехал в Киев через Москву, где жили в это время жена моя, мать^[52] и сестра. В Киев я поехал один и остановился в квартире, { нанимаемой } товарищем по Институту инженеров путей сообщения капитаном Антоном Эммануиловичем Никифораки^[53].

{ Киев выстроен на местности еще более живописной, чем Нижний Новгород, но так как я был в нем зимою, то он не произвел на меня сильного впечатления, тем более что постройки в нем были тогда еще не такие красивые. Я не буду описывать ни города, ни Лавры с ее пещерами, ни других церквей, так как они были неоднократно подробно описаны. }

В это время { военным } генерал-губернатором Юго-Западного края был генерал-адъютант Дмитрий Гаврилович Бибииков^[54]. Он меня принял очень хорошо; { мы сочлись родными }; он хотя был гораздо старше меня, приходился мне очень дальним племянником. Я был приглашен обедать у него непременно каждое воскресенье, а по будням когда мне вздумается. Клейнмихеля тогда считали до того могущественным { даже люди, занимавшие такие высокие должности, как Бибииков, что } последний не хотел верить, чтобы я имел одно только поручение по составлению проекта моста через Днепр, а полагал, что мне поручено под рукой разузнать все относящееся до управления Бибиикова. { Несмотря на его ум и ловкость, я мог бы это заключить даже из его разговоров со мною, но впоследствии } мне это передавал состоявший по особым поручениям при Бибиикове полковник Ленковский^H, которому <собственно> и было поручено Бибииковым наблюдение за { всеми действиями моими, которые предположил в своей голове Бибииков }. Выбор Ленковского { для этого, если бы я действительно имел сек-

ретное поручение, был неудачен; он был слишком хороший человек и не способен на предательство; выбран же он } был потому, что бывал часто у Никифораки, с которым играл в карты. За обедами у Бибикова и в те часы, которые я проводил у него после обеда, единственными предметами для разговора были цинические толки о женщинах и воровство, производимое инженерами путей сообщения. Приведу несколько примеров.

Бибиков, сидя за обедом, при дежурном чиновнике из его канцелярии, спросил меня, познакомился ли я с Писаревым^[55], управляющим его канцелярией, и сказал мне, что он держит Писарева, как человека весьма умного и полезного для края, а все уверяют, что он будто держит Писарева потому, что находится в связи (это было выражено самым циническим образом) с женою последнего. Бибиков говорил мне также, что все обвиняют его в том, что он в связи с какою-то актрисой, не понимая, сколько эта связь принесла пользы России, был причиной тому, что он еще несколько лет (он даже определил число лет) останется в настоящей должности, в которой он считал себя необходимым. {Самые циничные рассказы были за его обеденным столом беспрерывно, как бы ни было у него велико мужское общество.

Относительно злоупотреблений инженеров путей сообщения Бибиков говорил мне, что бывший начальник V (Киевского) округа путей сообщения генерал-майор Шишов, которому в это время было поручено составление проекта по улучшению судоходства через Днепровские пороги, а впоследствии и приведение в исполнение этого проекта, вел жизнь пьяную и грязно-распутную, воровал казенные деньги везде где мог и дозволил за известную годовую плату бывшему моему товарищу по Институту инженеров путей сообщения, капитану Залесскому I^H, свидетельствовать все работы в округе и ревизовать все судоходные пристани, при каковых свидетельствах и ревизиях Залесский обдирал производителей работ и смотрителей судоходства. Бибиков говорил, что при инженер-полковнике Гене^[56], назначенном после Шишова управляющим округом, продолжают те же порядки; что Гене, по своей глупости, ничего нового выдумать не сумеет, но что если бы сумел, то, обремененный большим семейством, в отношении казнокрадства повел бы дела еще хуже; что мимо моих окон каждое утро проходит инженер-поручик Залесский II^H, честно построивший какой-то мост в Киевской губернии, к капитану Залесскому I, убеждая его подписать опись произведенной работе, но что последний за эту подпись требует большую сумму, которой Залесскому II неоткуда взять, и что об этом требовании известно Гене.

Последний вскоре из управляющих округом был назначен членом строительной комиссии, должность гораздо низшую, а впоследствии членом общего присутствия того же правления округа, в котором был прежде председателем; только по назначении Мельникова главным управляющим путями сообщения он, частью по товариществу с Гене, а частью по каким-то дамским связям, произвел последнего в генерал-майоры, сделал начальником VI (Казанского) округа и дал даже денежную аренду, награду весьма редкую в ведомстве путей сообщения.

Никифораки подтвердил мне справедливость всего сказанного мне Бибиковым, и я рассказ последнего передал Гене, который почитал своей обязанностью почти каждый день являться ко мне. К этому рассказу я прибавил, что мне известно, что Залесский при всех свидетельствах работ берет взятки. Гене был очень смущен моим замечанием, притворился, что ничего не знает, и обещался прекратить неправильные требования Залесского I.

В то время губернии были приписаны к округам путей сообщения, правления которых обязаны были командировать подчиненных им инженеров для освидетельствования работ в казенных домах, принадлежащих разным ведомствам; подписанные этими инженерами описи работ представлялись вместе с отчетами в контрольное отделение казенной палаты той губернии, где находилось сооружение, в котором произведены были работы.

Из числа игравших в карты с Никифораки всех чаще был у него директор киевской гимназии Александр Григорьевич Петров^[57], впоследствии председатель Петербургского цензурного комитета. Вскоре после переданного мною Гене рассказа Бибикова Петров, придя к

Никифораки, объявил, что у него был Залесский, требуя, чтобы он взял те деньги, которые последний получил за подписание описи по ремонтным работам {управляемой Петровым} гимназии, и укорял Петрова в том, что последний рассказывает подобные вещи мне, состоящему при графе Клейнмихеле, за что он может совсем погибнуть. Петров сказал Никифораки, что он денег Залесскому не давал, и потому отвечал последнему, чтобы он их возвратил, если желает, тому, у кого он их взял, т. е. подрядчику. Петров очень был недоволен тем, что Никифораки передал мне эту проделку Залесского. Но Никифораки мне ничего не говорил, и я об этом ничего не знал, а только в общих словах сказал Гене, что Залесский везде берет деньги, где свидетельствует работы. Выходит по пословице, что кошка знает, чье мясо съела.

Я упомянул о казнокрадстве Шишова; почти все инженеры, состоявшие в его округе, находились под начетом; он при каждой работе составлял комитеты, в которых состоял председателем, и брал, по сговору с евреями, фальшивые залоги под выдаваемые задаточные деньги, а когда фальшивость залогов обнаруживалась, налагались начеты на председателя и членов означенных комитетов; таким образом, деньги, которые брал воровски один Шишов, возвращались казне малыми суммами не от одного, а от всех ни в чем не повинных членов комитета.

По воскресеньям у Бибикова обедали все старшие должностные лица Киева. Бибиков мне говорил, что он каждый раз приглашает Гене, как управляющего округом путей сообщения, но что он никогда не бывает. На мой вопрос у Гене, по какой причине он не бывает на обедах у Бибикова, он отвечал, что за этими обедами сидят все лица, украшенные разными орденами, а ему, не имеющему никакого ордена, совестно сидеть между ними, {хороша причина}! Действительно, Гене был единственное лицо, которое, в чине инженер-полковника и притом управляющего округом путей сообщения, не имел орденов; он получил первый орден только после 35 лет службы. Орден Св. Владимира 4-й ст. дается по статуту за 35-летнюю службу, конечно, беспорочную, и служба Гене считалась беспорочною!

В бытность мою в Киеве у Бибикова было несколько балов, на которых танцевал, между прочими, Мартынов^[58], убивший на дуэли поэта Лермонтова и посланный в Киев на церковное покаяние, которое, как видно, не было строго, потому что Мартынов участвовал на всех балах и вечерах и даже через эту несчастную дуэль сделался знаменитостью. Я встречался с Мартыновым, между прочим, и у бывшего тогда киевским губернатором, а впоследствии членом Государственного Совета Ивана Ивановича Фундуклея^[59], очень богатого человека, о котором нечего сказать более, как то, что он кормил хорошими обедами и давал балы с хорошими ужинами.

Бибиков был чрезвычайно крут и часто дерзок с польскими помещиками управляемого им края; насколько это было полезно в то время для русских интересов, предоставляю судить более знакомым с политическим положением того края; но многие русские тогда говорили, что правитель его канцелярии Писарев и другие подчиненные Бибикову лица выдумывали заговоры и раздували их важность с целью выслуживаться и получать награды, а между тем оговоренные подвергались ссылке в Сибирь и другим тяжким наказаниям. Я не могу утверждать, чтобы это было действительно так, но не подлежит сомнению, что Бибиков потворствовал Писареву, грабившему помещиков, которые, чтобы не подвергаться арестам, платили Писареву большие суммы, обыкновенно доставляя их во время киевских контрактов, бывающих в январе месяце.

Писарев, несмотря на то что брал с помещиков взятки, обращался с ними очень гордо. Мне случалось во время контрактов играть у Писарева в карты, и, когда приходили во время нашей игры ясновельможные паны и кланялись при входе почти до пола, Писарев почти не гнул шеи, оставляя нас, игравших с ним, на одну минуту, входил с помещиком в свой кабинет, где, конечно, взявши положенный оброк, отпускал его и, садясь снова за карточный стол, не обращал никакого внимания на низко кланяющегося уходящего пана. Кабинет Писарева был весь уставлен подаренными (?) ему старинными фамильными серебряными блюдами, вазами,

чашами и т. п. Сколько мне помнится, Писарев умер в бедности, жена ограбила его и бросила. {Все время моего пребывания в Киеве Бибиков был со мною очень любезен}.

Клейнмихель и я были в Москве, когда Бибикова в 1852 г. назначили министром внутренних дел. Я, узнав об этом назначении, сказал о нем Клейнмихелю, который очень был доволен и надеялся, что многое будет в состоянии провести из того, что не мог провести при прежнем министре графе Перовском^[60], полагая, что Бибиков относительно его останется таким же подобоострастным⁵, каким был до сего времени, но Клейнмихель в этом ошибся. Я также ошибся, надеясь, что Бибиков сохранил ко мне хотя часть любезности, которою меня осыпал в Киеве. В ноябре 1852 г., приехав в Петербург с моими предположениями о преобразовании Московских водопроводов, я был у Бибикова в парадной форме во время приема им просителей. Подойдя ко мне, он спросил, чего я желаю; я отвечал, что, приехав из Москвы, почел обязанностью представиться ему. Он мне заявил, очень величаво, что-то вроде того, что он, по значительности своих занятий, не может заниматься мной. Может быть, он это сказал и мягче, но такое впечатление произвели его слова на меня. Это было сказано при Николае Алексеевиче Милютине^[61], который представлял Бибикову лиц, собравшихся у него в приемном зале, и я с того времени, встречаясь с Милутиным, всегда конфузился. Я никогда не мог себе простить этого шага, сделанного мною для того, чтобы продолжать знакомство с Бибиковым, и вполне неудавшегося. Я на него решился без всякой надобности, не обсудив, что настоящие взаимные наши отношения были совсем не те, какие были в Киеве. {Там он считал меня агентом и близким человеком временщика, от которого полагал себя в зависимости, хотя косвенно. Теперь он сам сделался министром; Клейнмихель уже не пользовался прежней милостью у Государя, а я в протекшие 10 лет не только не сделал служебной карьеры, но назначение меня начальником Московских водопроводов служило Бибикову доказательством, что я ничего не значу и при потерявшем в его глазах значение Клейнмихеле}.

Вскоре по вступлении на престол Императора Александра II Бибиков был уволен от должности министра внутренних дел; ему предлагали остаться в звании генерал-адъютанта и членом Государственного Совета, но он, недовольный увольнением от должности министра, пожелал выйти в отставку. По болезни он после этого почти постоянно жил за границей, и я его встретил в первый раз в Карлсбаде в 1864 г., где он был, равно как и в 1865 г. и во все следующие годы, в которые я приезжал в Карлсбад, до самой его смерти, снова так же любезен со мной, как был в Киеве.

В Киеве я часто бывал у Екатерины Федоровны Скордули^[62], дочери Дарьи Николаевны Лопухиной, в заведении которой я воспитывался, {о чем изложено в I главе «Моих воспоминаний»}. Муж ее, отставной генерал-майор, был человек добрый, но ничем не замечательный; она же, выросшая в богатом доме ее матери и близкая родственница весьма богатой и скупой старухи графини Браницкой^[63], племянницы знаменитого Потемкина, заметно старалась поддерживать свое аристократическое значение.

Зима 1842/43 гг. была в Киеве весьма мягкая, так что лед на Днепре был очень тонок, и я не мог делать промеров в реке по льду. 18 января Днепр очистился ото льда, и тогда я сделал все нужные мне промеры как в самой реке, так и в его рукаве, называемом Чертороем, а равно все прочие изыскания, нужные для составления проекта моста, как в указанном мне месте у Панкратьевского спуска, так и 600 саженьями ниже, на том месте, где устраивался наплавной мост, которое я предпочитал для устройства постоянного моста. При этих изысканиях я насмотрелся на затруднения, которые представляла переправа через Днепр, так как по причине его разлива нельзя было навести наплавного моста. Сотни подвод стояли в ожидании очереди переправиться; проезжающие на почтовых и своих лошадях, а равно казенные тяжести пере-

⁵ {При проезде Клейнмихеля через Киев генерал-губернатор Бибиков встречал его при выходе из дорожного экипажа в полной парадной форме.}

возились не в очередь, что еще более замедляло переправу возов, принадлежавших помещикам и крестьянам. Сверх того, очередь часто нарушалась; давшие лишнюю плату, которая была иногда высока до безобразия, перевозились не в очередь, через что некоторые из приезжавших с возами крестьян проедали все {с ними бывшее} и находились в самом безвыходном положении. Эти беспорядки, конечно, были известны властям Киева, но они бездействовали; говорили, что причиной этого было то, что Писарев, правитель канцелярии Бибикова, был в доле с подрядчиком, содержавшим переправу.

В Киеве мне было очень скучно; общества, которые мне приходилось посещать, не представляли ничего замечательного; сверх того, я в первый раз расстался на такое долгое время с женой, оставил ей мало денег и сам, несмотря на то что жил на всем готовом, нуждался в деньгах, в особенности вследствие значительного проигрыша в карты, а от скуки я играл почти ежедневно. Для уплаты моих проигрышей я занял у Никифораки тысячу руб., которые хотя и вскоре ему уплатил, но это было мне очень затруднительно. Наконец в конце марта я оставил Киев и, взяв в Москве с собой жену, приехал в Петербург, где нанял небольшую квартиру с мебелью в Коломне, на набережной р. Пряжки.

Я представил Клейнмихелю общий план р. Днепра у Киева с объяснительной запиской, в которой излагал выгоды избранного мною места для устройства постоянного моста {перед тем, которое было указано}.

На низменном левом берегу Днепра перед мостом, предполагаемым на указанном мне месте, была насыпана на протяжении нескольких верст высокая дамба с несколькими отверстиями, на которых были устроены деревянные мосты. Рукав Днепра, Черторой, – в котором воды протекало не менее, чем в самом Днепре, а течение было гораздо быстрее, – в большей части своего протяжения был перпендикулярен дамбе, не доходя до нее нескольких десятков сажен; образовав прямой угол, он тек параллельно дамбе, соединяясь с Днепром в нескольких десятках сажен выше места, где предполагалось устроить постоянный мост. В весеннее время вся низменность около дамбы покрывается водой; главная масса воды протекала по Черторою; значительная часть ее направлялась под деревянные мосты, устроенные в дамбе, которые неоднократно уже срывало, равно как и головы дамбы при мостах. В весеннее время, при спаде воды в Днепре, образовывается сильное течение вдоль дамбы, неоднократно уже повреждавшее обделку откосов дамбы и самую дамбу. Для предотвращения этих повреждений требовалось значительно укрепить откосы дамбы и выстроить на ней более прочные мосты.

Русло Днепра на месте, указанном для постройки моста, имело два фарватера; один собственно Днепр, а другой образуемый Чертороем, {соединяющимся с Днепром несколько выше этого места}. По глубине этих фарватеров заложение в них мостовых быков представляло затруднение. Самое течение в этом месте было довольно быстрое и, по причине близкого соединения двух значительных потоков, неправильное.

Грунт Панкратьевского спуска^[64], по которому предполагалось подниматься с постоянного моста в Киеве, был глинистый, изобилующий весьма значительными водяными источниками, которые во время произведенных мною изысканий размывали откосы спуска, так что они обрушивались и беспрерывно изменяли вид спуска.

Все эти обстоятельства требовали значительных издержек как по устройству моста, так и дамбы на левой стороне Днепра и подъема на его правой стороне. Устройство последнего, при изобилии ключей, представляло особые затруднения, и потому я предпочитал устроить мост 600 саженьями ниже, на том месте, где наводился наплавной мост.

Низменность, простирающаяся от шоссе до этого места, более возвышена, чем та, по которой была устроена дамба, а потому новая дамба, по избранному мною направлению, была бы ниже устроенной. Она была бы отдалена от Чертороя, масса воды которого, проходящая в весеннее время через отверстия, оставленные в устроенной дамбе, соединялась бы с Днепром выше места, избранного мною для моста, так что эта масса не имела бы влияния на предпо-

ложенную мною дамбу и ее можно было устроить сплошную без отверстий, большей частью весьма вредных. Во время спада воды в Днепре не могло бы образоваться быстрого течения вдоль откосов предположенной мною дамбы, так как она не была бы перпендикулярна к руслу Днепра.

На избранном мною месте был один фарватер в Днепре, и глубина его гораздо менее, чем глубина каждого из обоих фарватеров на {прежде} указанном месте.

Подъем с моста на правый берег Днепра проходил бы по направлению мостовой, устроенной для въезда с наплавного моста в Киевскую цитадель^[65]. По этому направлению не было водяных ключей, и въезд потребовал бы только незначительных улучшений.

Выбор места для моста при Киевской крепости, конечно, должен был быть согласован с военным инженерным начальством, которое на сделанный мною вопрос о том, какое место лучше для постройки моста, отвечало, что и в военном отношении избранное мною место предпочтительнее {по причинам, которых я здесь излагать не буду}.

Ясно было, что на постройку моста в избранном мною месте требовалось бы гораздо менее расходов, а самый мост, дамба на правой стороне Днепра и подъем в Киев были бы поставлены в условия, более безопасные от повреждений.

Клейнмихель, прочитав мою объяснительную записку и выслушав мои словесные объяснения, согласился со мною и сказал, что он представит об этом в свое время Государю и вызовет меня в Киев, – где полагал быть в августе одновременно с Государем, – для личного объяснения этого дела Его Величеству. Предположение мое, однако, не понравилось Государю, который любил прямые линии; шоссе, построенное от ст. Бровары, идет по совершенно прямому направлению на Киево-Печерскую лавру^[66]; по моему же предположению, проехав от ст. Бровары верст десять по этому шоссе, следовало повернуть налево, и, следовательно, лавра для приезжающих в Киев была бы видна с правой стороны.

Клейнмихель очень не любил, когда его представления не удостоивались одобрения Государя, а потому был недоволен, что я его довел до этого, но никогда мне более ни слова не говорил о моем предположении; конечно, вызов мой в Киев не состоялся. Государь тогда же нашел, что мост у Киева не должен быть построен с деревянными фермами, и решено было устроить железный висячий мост, составление проекта которого и постройка были поручены английскому инженеру^[67]. Ему заплачена значительная сумма, а от меня не потребовалось представления полного проекта, который я, между тем, изготовлял с помощью моей жены. Я уже несколько раз говорил, что я вовсе не умел чертить. Мне затруднительно было даже составлять черновые чертежи. Постоянный для этого наем чертежника и писцов для переписки бумаг, на что мне Клейнмихель не давал никаких средств, при нашем безденежье, был обременителен, и потому жена моя, необыкновенно способная ко всякому ручному ремеслу, по моему указанию чертила черновой проект моста и разных к нему принадлежностей.

В конце апреля Великая Княгиня Елена Павловна^[68] ехала за границу с тремя своими дочерьми. Клейнмихель послал меня осмотреть состояние шоссе от Петербурга до Ковно, принять меры к удобному их проезду и при представлении Великой Княгине, по приезде ее в Ковно, спросить, как она довольна проездом. Вместе с тем Клейнмихель приказал мне освидетельствовать заготовленные для исправления шоссе материалы и рассмотреть способ его управления. Директором работ по шоссе был инженер-полковник Кашперов^[69], человек в высшей степени честный, но грубый и, что называется, неотесанный; он жил очень бедно. Я с ним и с дистанционными инженерами осмотрел подробно шоссе и нашел большей частью все в порядке. Мы останавливались для обеда и ночлега у дистанционных инженеров и у начальников шоссе заставных домов.

Все жили бедно; о нашем приезде знали, но обеды и ужины были весьма простые; некоторые не могли ничего предложить, кроме щей и каши. Кашперов, внутренне чрезвычайно

довольный поведением его подчиненных в то время, когда почти во всем ведомстве путей сообщения были значительные злоупотребления, бранил их мне, говоря:

– Вот архангелы какие (к чему он, по обыкновению, от которого ни в каком случае не мог удержаться, прибавлял крепкое словцо), самим жрать нечего и гостей нечем угостить, а перед ними стоят дорогие кучи щебня; могли бы их и поменее поставить, сам черт их не учтет⁶; нет, подавай нам все кучи щебня, ведь они архангелы!

За малейшую неисправность Кашперов сильно бранил своих подчиненных и в этом не церемонился. По возвращении в Петербург я обо всем подробно доложил Клейнмихелю, но тогда не в моде было слышать что-либо хорошее о ведомстве путей сообщения, и потому на мой доклад не было обращено внимания.

В Ковно я {приехал ранее Великой Княгини и} застал там присланного для ее встречи наместником Царства Польского князем Паскевичем чиновника барона Засса^[70] (может быть, я ошибаюсь в фамилии этого барона). Мы вместе представились Великой Княгине при ее выходе из {дорожного} экипажа, и она звала нас на другой день к завтраку. Она приехала вечером; спустя около часа по ее приезде пришли звать к ней барона Засса, который, воротившись, сказал мне, что его позвали по ошибке, а что Великая Княгиня зовет меня. Придя в занимаемый ею дом и не найдя никого в первых комнатах, я, после довольно долгого ожидания, решился отворить дверь и увидел Великую Княгиню, которая начинала раздеваться. Она меня спросила, что мне нужно, и когда я ей объяснил, что я пришел по ее приказанию, ответила, что звала не меня, а барона Гринвальда^[71], которому поручено было сопровождать ее за границу. Это *qui pro quo* произошло, вероятно, потому, что Великая Княгиня потребовала барона, а в доме, где она остановилась, не знали другого барона в Ковне, кроме Засса; последний же не знал другого барона, кроме меня. На другой день, за завтраком, очень смеялись этому *embarras de richesse*⁷ как выразилась Великая Княгиня. В то время она была очень хороша собой; ее дочери казались здоровыми {девицами}, и нельзя было думать, что две из них вскоре умрут. Великая Княгиня поручила мне благодарить Клейнмихеля и быть у ее мужа по приезде в Петербург. Великие Княжны поручили сказать, каждая что-то особое папаше. По приезде в Петербург я представился Великому Князю Михаилу Павловичу, который был в дурном расположении и отпустил меня по передаче мною в коротких словах поручений его жены и дочерей, не вспомнив даже любимого его рассказа о геройской смерти моего брата^[72] под Варшавой. Впрочем, после этой смерти прошло почти 12 лет.

Клейнмихель очень любил, чтобы его подчиненные постоянно были заняты; в мае он дал мне перевести какую-то довольно толстую французскую книгу об освещении маяков. В июне я ему представил набело переписанный перевод; не знаю, ни зачем ему нужен был этот перевод, ни куда он девался.

Я и жена до конца июня приятно прожили в Петербурге; у нас ежедневно, когда позволяла служба, бывал двоюродный брат мой Александр Дельви́г. {Я уже говорил, что этот во всех отношениях примерный молодой человек был дружен с женою}; музыка и пение у нас не прерывались. В это же время была в Петербурге тетка моя П. А. [*Прасковья Андреевна*] Замятнина^[73] по случаю выхода ее сына из училища правоведения. {Прочие мои знакомые были те же, о которых я упоминал прежде. Между ними я позабыл назвать А. Д. Соломку, о котором я говорил в I главе «Моих воспоминаний». }

Я несколько раз ездил обедать к [*Афанасию Даниловичу*] Соломке, и он знал от меня, что мы не получаем никакого дохода с имения жены моей. Вследствие этого он советовал мне его продать и, придя раз ко мне, сказал, что он сам готов купить имение жены, но так как

⁶ сам черт их не учтет вписано над строкой.

⁷ *embarras de richesse* (фр.) – разнообразие, затрудняющее выбор; «глаза разбежались». Выражение, возм., связано с названием пьесы Л. Ж. К. д'Алленваля (L. J. Ch. Soulas d'Allainval) «L'Embarras des richesses» (1726).

оно ничего не приносит, то он принимает на себя долг сохранной казне и расходы по купчей крепости, а меня избавляет от хлопот по владению. Я принял это за шутку, но хитрый хохол не шутил; он хотел пощупать, нельзя ли поймать меня на эту удочку, а при моем несогласии предложить какую-нибудь безделицу, которою я мог бы, по его мнению, удовольствоваться. Конечно, я не продолжал разговора с Соломкою о продаже имения.

Надо сказать, что в это время р. Пряжка, протекавшая перед нашими окнами, содержалась очень нечисто; жена видела раз плившее по ней тело утопленника, что оставило в ней навсегда неприятное воспоминание о тогдашнем нашем помещении, которое, сверх того, было довольно тесно.

{Я уже говорил, что} Клейнмихель осенью 1842 г. {был недоволен Московским шоссе; дальнейшие распоряжения местного начальства по улучшению шоссе он находил недостаточно энергичными}; предполагая надолго уехать из Петербурга для обозрения некоторых частей своего ведомства, он поручил мне наблюдение за шоссе от Петербурга до Москвы. При этом он мне словесно передал, что оставляет меня на Московском шоссе с тем, чтобы я вполне заменял его в его отсутствие, для чего передал мне относительно этого шоссе все права главноуправляющего путями сообщения. Инженер-полковник Энгельгардт^[74], заведовавший шоссе от Петербурга до ст. Померанье, обиделся назначением меня наблюдать за его действиями и упросил Клейнмихеля исключить его дистанцию из моего наблюдения. Тогда Клейнмихель, поняв, что вновь назначенный им принятый на службу из отставки начальником III (Московского) округа путей сообщения инженер-генерал-майор [*Михаил Николаевич*] Бугайский^[75], бывший тогда в большой милости у Клейнмихеля, может также обидеться, не поместил в данном мне, по случаю моей командировки на Московское шоссе, предписании обязанности наблюдать за частью шоссе от Москвы до р. Шоши, входящей в район означенного III округа. На словах же Клейнмихель приказал мне иметь хотя бы поверхностное наблюдение и за этой частью шоссе.

Предписание Клейнмихеля ко мне от 26 июня 1843 г. № 2258 по случаю командирования моего на Московское шоссе я переписываю буквально:

По неустройству и дурному состоянию Московского шоссе от Померанья до р. Шоши, признавая необходимым иметь непрерывные сведения обо всех работах, которые на сем шоссе производятся и производимы будут, я избрал к сему Вас и вследствие того предписываю:

1. Отправиться на означенное шоссе.
2. Поставить себя в полную и точную известность о настоящем положении шоссе, о всех предположенных на оном работах и всех тех, кои необходимо еще произвести, как равно о всех заготовленных и заготавливаемых материалах и нанятых рабочих, и сведения эти представить мне.
3. Наблюдать, чтобы все работы исполнены были своевременно и прочно, и об успехе доносить мне, через каждые два дня.
4. Если по Вашим соображениям, будет недостаточно рабочих или материалов по сделанному уже на то распоряжению от окружного правления, в таком случае разрешаю Вам немедленно приступить к заготовлению того и другого, а мне представить в то же время расчет об издержках, на это потребных, для уплаты оных. Я надеюсь, что все будет дешево и для казны выгодно.
5. Сообразить и представить мне: какие работы и где нужно произвести на шоссе в будущем году и какие именно потребно будет заготовить материалы, в каком количестве и куда.

Об исполнении всех Ваших по сему поручению требований я предписал правлению I округа и приказал оному дать Вам одного писаря.

Сим делаемым мною Вам поручением нисколько не слагается обязанность и ответственность по устройству шоссе, как окружного правления, так равно и самого местного инженерного начальства и всех чинов.

Приехав в Новгород, я поспешил явиться к начальнику I (Новгородского) округа путей сообщения, в районе которого состояло шоссе от ст. Померанья до р. Шоши, инженер-генерал-майору Казимиру Яковлевичу Рейхелю^[76], которого я прежде не знал. Я застал его одевающимся, как он выразился, в парадную форму для того, чтобы представиться мне (я был тогда капитаном), так как он получил от Клейнмихеля предписание, в котором последний дает строгий выговор за дурное ведение дел по исправлению шоссе и приказывает исполнять все мои требования, а потому Рейхель считал меня своим начальником. Рейхель был очень тонкий и ловкий человек; он считался хорошим инженером вследствие составления многих проектов больших мостов на Московском шоссе и устройства этих мостов и хорошим администратором.

Девят(н)ин, его товарищ по Институту инженеров путей сообщения, сильно его поддерживал, несмотря на то что он не щадил казенных денег в свою пользу при произведенных им работах и, несмотря на огромное семейство, нажил на службе состояние. Клейнмихель знал его еще со времен Аракчеева, к которому Рейхель не переставал ездить и в то время, когда Аракчеев впал в немилость. Обращение Рейхеля со своими подчиненными отличалось своеобразием. Он ни о чем не говорил прямо и откровенно; в его словах надо было всегда читать, как говорится, между строками. Подчиненных своих он защищал перед высшим начальством, но сам говорил им всякого рода неприятности и грубости. Так, между прочим, когда в 1842 г. дошли до Клейнмихеля сведения о беспорядках по судоходству на Маловишерском канале^[77], которые он приказал мне исследовать, Рейхель уверял меня, что заведовавший этим каналом инженер-подполковник Лямин^[78] (умер в чине генерал-майора) отличный офицер и не виноват в означенных беспорядках. Я был противоположного мнения и выразил некоторым из служащих в правлении I округа путей сообщения мое удивление, что Рейхель хочет надуть меня; они мне отвечали, что он защищает Лямина только передо мной, а сам дал ему сильнейший нагоняй, сказав, что он годится только на то, чтобы им зарядить пушку, – любимое его выражение, когда он сердился на подчиненных. Зная строгость Клейнмихеля, я по возможности смягчал в моем представлении вину Лямина, который отделался трехдневным арестом. В правлении I округа служил начальником хозяйственного отделения Троицкий^H, происходивший из духовного звания. Когда Троицкий должен был читать свои доклады общему присутствию правления, Рейхель обращался к нему, говоря:

– Ну, звоните, Иван Иванович.

Рейхель называл свое новгородское имение Америкую, не знаю по какому поводу, и очень хлопотал, чтобы железная дорога между двумя столицами проходила через «Америку», но это ему не удалось.

Клейнмихель, не доверяя правлению I округа, еще осенью 1842 г. поручил переведенному им из Военного министерства чиновнику особых поручений Евгению Петровичу Вонлярлярскому^[79] заготовить каменный материал для ремонта шоссе в 1843 г. Вонлярлярский, по неопытности и вообще по недостатку способностей, приискал подрядчиков неблагонадежных, которые, взяв задаточные деньги, ставили щебень дурного качества, а некоторые и совсем не ставили заподряженных у них материалов, через что на мою долю выпало много хлопот при наблюдении за шоссе в 1843 г. Но так как Вонлярлярский на бумаге исполнил данное ему поручение скоро и заподрядил материал по умеренным ценам, то Клейнмихель поспешил еще в декабре 1842 г. похвастаться пред Государем результатом своих распоряжений, при чем исходатайствовал Вонлярлярскому довольно большую денежную награду и орден Св. Владимира 4-й ст. {В IV главе «Моих воспоминаний» я упоминал, что военный министр не уважил ходатайство Клейнмихеля о награждении Вонлярлярского означенным орденом; не прошло четырех месяцев, и Клейнмихель дал его Вонлярлярскому}.

На место отданных в 1842 г. Клейнмихелем под суд инженер-полковника Чедаева и майора Дженеева он назначил директором шоссе от ст. Померанье до ст. Едрово инженер-подполковника Афанасьева^Н, а командиром 1-го военно-рабочего батальона путей сообщения майора Травина^Н.

Афанасьев был человек честный и добрый, но вялый и робкий. Для приведения шоссе в порядок требовалось много энергии, а он был апатичен. У него не доставало смелости браковать дурной каменный материал, поставляемый подрядчиками, отысканными Вонлярлярским, и действовать на счет тех из них, которые вовсе не поставили материала к определенному сроку. Один из подрядчиков Вонлярлярского поставил недалеко от ст. Померанье, вместо булыжного щебня, в большом количестве щебень известковато-глинистый мягкого свойства, предназначенный для сплошной россыпи по утонившейся шоссеиной коре. Рассыпка этого щебня не только не улучшила бы, но ухудшила бы эту кору.

Афанасьев опасался не принять его, чтобы этим не навлек на себя неприятностей от Вонлярлярского; я же запретил его принимать и донес о том Клейнмихелю, который, проезжая из Петербурга во внутренние губернии, вышел у означенного щебня из кареты. Найдя его дурным, он разругал Вонлярлярского и, садясь в карету, назвал его дураком, так что Вонлярлярский не мог этого не слышать. При дальнейшем осмотре шоссе Клейнмихель видел, насколько подрядчики Вонлярлярского были неисправны, и с того времени потерял к нему доверие; он оставался долго по особым поручениям при Клейнмихеле; впоследствии, видя презрение его к себе, выказываемое даже в гостинной, Вонлярлярский перешел на службу в учреждения Императрицы Марии. {Нельзя не подивиться тому, что Клейнмихель, очень легко отличавший способности людей, мог дать такое важное дело Вонлярлярскому; последний хорошо сделал для себя, что оставил службу при Клейнмихеле, при котором, несмотря на свои связи и даже при больших способностях к делу, никогда не достиг бы того, что дала ему новая служба}; он скоро добрался до чина тайного советника, был назначен товарищем главноуправляющего IV отделением Собственной канцелярии Государя^[80] и, хотя не удержался на этом месте, но все же, состоя почетным опекуном в С.-Петербургском опекунском совете, получает ежегодной пенсии 8400 руб. сер., которые и составляют теперь единственное средство для его существования, так как он спустил все свое имение. Видя, что двоюродный брат его Александр Александрович Вонлярлярский^[81] (известный под названием Монте-Кристо), при содействии В. А. Нелидовой, получал огромные по тому времени подряды, дававшие ему средства жить роскошно, Е. П. Вонлярлярский, двоюродный брат Нелидовой, надеялся нажить состояние подрядами в ведомстве путей сообщения, а потому, перейдя на службу в другое ведомство, принял на себя разные работы и поставки по шоссе. Но он не имел ума своего двоюродного брата и, сверх того, отношения Клейнмихеля к Нелидовой изменились.

Он по своим подрядам предъявлял много претензий к казне, большею частью несправедливых. Претензии эти разбирались в особых, учреждаемых Клейнмихелем комиссиях, в которые он меня назначал членом, когда я не бывал в командировке вне Петербурга. Я в первых же заседаниях этих комиссий объяснял Е. П. Вонлярлярскому причины, по которым признавал большую часть его претензий несправедливыми, и с моими замечаниями соглашались все члены комиссий, так что, когда Вонлярлярский видел меня в числе членов комиссий, он говорил:

– Ну, барон в числе членов комиссии; значит, надо проститься с несколькими десятками тысяч рублей.

Это, однако же, не помешало нам, при довольно частых встречах, всегда быть в приятельских отношениях.

При проезде Клейнмихеля по шоссе досталось от него всем, кроме меня; {говоря же во время своего проезда по шоссе обо мне, он часто прибавлял к моей фамилии слова}: «офицер, отличный во всех отношениях». Директор шоссе от ст. Померанье до ст. Едрово, подполков-

ник Афанасьев, крепко ему не понравился, и он меня назначил заведующим этой дирекцией, с оставлением при нем по особым поручениям и с приказанием продолжать исполнение по вышеприведенному предписанию от 26 июня, с тем, чтобы во время его путешествия по внутренним губерниям вполне заменять его на Московском шоссе, донося только ему о всех моих распоряжениях. О новом моем назначении было отдано в приказе 30 июля.

Клейнмихель этим назначением поставил меня в прямое подчинение правлению I округа, которое, в свою очередь, вследствие данного Клейнмихелем предписания должно было каждое экстренное распоряжение производить с моего согласия. Выходило во мне два лица: по заведованию дирекцией шоссе я был подчинен правлению округа, а по данному мне Клейнмихелем особому поручению по шоссе я был обязан наблюдать за тем же правлением. Вся инициатива по работам исправления шоссе должна была идти от дирекции, а потому я, как заведующий ею, должен был входить с представлениями в правление I округа, которое, конечно, всегда соглашаясь со мною, испрашивало моего же согласия на приведение в исполнение моих представлений, как у состоящего по особым поручениям при Клейнмихеле. Вследствие моих огромных занятий по дирекции, {которые я опишу далее}, я только раза два или три во все лето ездил на {вторую дирекцию шоссе} от ст. Едрово до р. Шоши, которая, впрочем, была в лучшем состоянии, чем непосредственно мне вверенная. Директором этой части шоссе был подполковник Беловодский^[82], впоследствии генерал-майор и помощник начальника III (Вышневолоцкого) округа путей сообщения. Я вовсе не имел времени бывать на части шоссе от р. Шоши до Москвы, и потому на нее не ездил. В августе начальник округа, в районе которого была эта часть шоссе, генерал-майор [*Михаил Николаевич*] Бугайский уведомил меня, что он получил словесное приказание Клейнмихеля осмотреть Московское шоссе по всему его протяжению и представить по осмотре свое заключение. Выходило, что я должен был наблюдать за действиями Бугайского, а он за моими, и потому я отклонил от себя всякое наблюдение за его действиями. Бугайский проехал со мною по шоссе от р. Шоши до ст. Померанье, не делая никаких замечаний. Пользы от его проезда не было никакой, и донес ли он о своем осмотре и что донес Клейнмихелю, мне неизвестно. Однако же по приказанию Клейнмихеля я осенью ездил в Москву для освидетельствования действий начальства на части шоссе от Москвы до р. Шоши. Явившись к Бугайскому, которому объяснил причину моего приезда, я потребовал у его подчиненных, моих прежних товарищей по службе в Московском округе, разных сведений по шоссе. Они мне давали эти сведения медленно, в опасении, что их всесильный, как они полагали, у Клейнмихеля начальник будет недоволен доставлением мне сведений, и не вполне доверяя, чтобы мне поручено было рассмотреть действия их начальника по части шоссе, состоящей в его ведении. Все эти недоумения были прекращены самим Бугайским, который приказал все мною требуемое исполнять без замедления.

{Обращаюсь теперь к описанию занятий собственно по заведываемой мною непосредственно дирекции от ст. Померанье до ст. Едрово.} На значительных протяжениях по этой части проезд был затруднителен, в особенности весной. Щебеночная кора до того утонилась, что колеса возов образовали по поверхности шоссе глубокие колеи, а в тех местах, где грунт был глинистый, пучистый, образовались провалы, весьма опасные для проезжающих. Предположено было наиболее утонившиеся протяжения покрыть сплошной щебеночной насыпью, а те места, на которых образуются значительные пучины, совсем перестроить. Ширина земляного полотна шоссе была в 6 сажень; середина его, шириной на 4 сажени, была покрыта щебеночным слоем, который с обеих сторон оканчивался крупными булыжными камнями, называвшимися барьерными; затем с каждой стороны оставались земляные обочины, шириною каждая в 1 сажень. Эти барьерные камни и обочины, которые должны были быть ниже щебеночной коры шоссе, в 1843 г. почти везде были выше ее и задерживали на ней воду. Предположено было при исправлении шоссе мало-помалу уничтожить барьерные камни и заменять их щебеночными отсыпями, а обочины срезать, так чтобы они были ниже щебеночной коры.

Одно утолщение щебеночного слоя на местах с пучистым грунтом было бы недостаточно для их укрепления. Образование по шоссе большого протяжения пучин происходит в те годы, в которые после очень дождливой осени весной бывает много солнечных дней; в эти годы почва, пропитанная осенними дождями, замерзает на большую глубину; при появлении же весенних солнечных лучей полоса шоссе, покрытая щебнем, на которой снег расчищается, служит хорошим проводником тепла, так что под нею земля оттаивает, тогда как земляные обочины с обеих сторон щебеночной коры находятся еще в мерзлом состоянии и мешают стекать воде из-под щебеночной коры в канавы; почва {под оной} разжижается и выпучивает тонкую щебеночную кору до того, что на шоссе образуются глубокие провалы или пучины. Для предупреждения их образования предполагалось в этих местах, сняв тонкую щебеночную кору, насыпать на грунт довольно толстый слой песка, который был бы выше обочин, и на нем устроить щебеночную кору надлежащей толщины. При этом если дождевая вода и просочится сквозь щебенку, то она попадет в песчаный слой, из которого и может вытекать по обочинам в канавы, а если частью и просочится в глину, лежащую под песком, то последняя, будучи отделена от щебеночной коры толстым слоем песка, не может так сильно действовать на эту кору.

Дирекция шоссе от ст. Померанье до ст. Едрово была разделена на три дистанции, которыми заведовали инженер-поручики Дмитриев^н, Плац-бек-Кокум^н и Щербаков^н. Кроме обыкновенного ремонта на каждой дистанции предполагалось произвести на значительных протяжениях сплошные россыпи щебня и в нескольких местах перестроить вышеизложенным способом пучистые места. При каждой перестройке пучистого места, для того чтобы она производилась тщательно, необходимо было иметь особых офицеров, а потому таковые из числа состоявших в округе и были прикомандированы в помощь к упомянутым начальникам дистанций.

Дистанция Щербакова, пролегавшая по Валдайским горам^[83], была наиболее отдаленная от места моего постоянного пребывания, Новгорода, из которого, выехав утром, я поспевал на нее только вечером и в таком случае оставался ночевать у Щербакова, в яму^[84] Яжелбицы; на его дистанции было наибольшее число перестраиваемых пучистых мест. Он один из начальников дистанций был женат; жена его была хорошенькая женщина; они с некоторым комфортом помещались в небольшой избе, которую переделали очень мило для своего жилья.

Впрочем, мне вообще не часто приходилось проводить ночи в постели; я более проводил их в дороге, разъезжая по шоссе в карете, в которой собственно по Московскому шоссе в лето 1843 г. сделал до 7 000 верст. Занятия мои состояли, кроме наблюдения за поставляемыми материалами и производимыми работами, в непрерывных донесениях Клейнмихелю о положении дел на шоссе {согласно вышеприведенному его предписанию}; в заготовлении {нужных для производящихся в этом году работ} материалов, {которых было прежде заготовлено недостаточно, а заподряженные Вонлярлярским, как мною выше упомянуто, не выставлялись; в действии насчет его неисправных подрядчиков}; в составлении подробных ведомостей с показанием работ и поставки материалов в следующие три года, необходимых для совершенного упрочения шоссе; в обыкновенной текущей переписке и в переписке с военно-судною комиссией, учрежденной над бывшим директором полковником Чедаевым и над майором Дженеевым.

Последними двумя переписками под моим руководством преимущественно был занят помощник мой инженер-капитан (умерший в отставке генерал-майором) Строковский^н, мой бывший товарищ по Институту инженеров путей сообщения. Все дистанционные начальники и прикомандированные к ним офицеры были постоянно заняты наблюдением за поставкой материалов и за производимыми работами и исполняли свои обязанности с усердием и честно. Сверх того, дистанционные начальники должны были, кроме обыкновенной текущей переписки, вести значительную переписку с вышеупомянутой военно-судною комиссией, которая, судя их бывшего начальника, привлекала и их к ответственности. Вновь назначенный коман-

диром 1-го военно-рабочего батальона путей сообщения майор Травин имел поручение от Клейнмихеля дознать, какие злоупотребления были в прежнее время допускаемы на шоссе. Травин, чтобы выслужиться, завел связи с ямщиками, от которых старался получить сведения об этих злоупотреблениях, для чего, переодетый, живал иногда по нескольку дней в разных ямах (селах). Начальникам дистанций приходилось и от него отписываться. Впрочем, все старания Травина были безуспешны; донесения его были бездоказательны и часто нелепы. В моих частых донесениях Клейнмихелю я неоднократно представлял ему об усердии моих помощников, и в особенности Щербакова, так что на обратном пути Клейнмихеля из внутренних губерний он, встреченный в ст. Яжелбицы майором Травиным и поручиком Щербаковым, благодарил последнего и пригласил к своему обеду, а на первого не обратил никакого внимания. Впоследствии случилось мне и Травину в одно время приезжать из Новгорода в Петербург, где Травин передавал Клейнмихелю всякий вздор о шоссе и офицерах, который я впоследствии принужден был разьяснять. Эти бездоказательные доносы Травина наконец надоели Клейнмихелю, и он начал называть Травина новгородской саранчою. Конечно, упомянутые инженеры обязаны были мне тем, что не были привлечены к суду вместе с их бывшим начальником; я находил нужным их приберечь для службы, уверенный, что бывший их начальник требовал от них неправильных действий, а что при честном начальнике они будут служить честно. Из всех доносов Травина по одному только, и именно по сделанному на Щербакова, в том, что он в прежние годы заставил поставщиков каменных материалов на шоссе устроить мебель в казенных домах, в которых жили нижние чины, надсматривавшие за шоссе, – последний был подвергнут кратковременному аресту. Нечего и говорить, до какой степени мои тогдашние подчиненные были мне благодарны за мою защиту, о которой передавали всем своим товарищам, что и было одной из причин преданности ко мне большей части инженеров путей сообщения.

Труды мои и моих подчиненных по шоссе увенчались полным успехом; Государь, на жизнь которого в этом году было покушение в Познани^[85], возвратился в Петербург через Москву, и следовательно, по Московскому шоссе, которым остался вполне доволен, и, считая невозможным привести шоссе в такое короткое время в удовлетворительное положение, сказал Клейнмихелю, что последний, вероятно, слишком в черных красках описал в прошедшую осень состояние шоссе. Клейнмихель, проехавший по шоссе после Государя, остался также доволен им и моими распоряжениями.

Проезжая для осмотра работ по заведоваемому мною шоссе, я иногда брал с собой жену, и мне тогда случалось ездить в двух экипажах. Имея казенную подорожную на взимание лошадей только под один экипаж, я за лошадей, запряженных в другой экипаж, платил установленные за проезд по шоссе деньги; это всех удивляло; не понимали, зачем начальник шоссе платит за то, что проезжает по нему по обязанностям службы, так как другие начальники этого никогда не делали.

По приезде моем в конце июня из Петербурга в Новгород я в этом городе нанял квартиру, где прожил с женою около месяца. По назначении же меня в конце июля заведующим дирекцией шоссе от Померанья до Едрова нанятая мною квартира была недостаточна, и мы переехали во вновь нанятую. Эти частые переезды из города в город и из квартиры в квартиру были очень разорительны; Клейнмихель же никогда мне не давал ничего на подъем, а я не просил, не имея понятия, что подъемные деньги лицам, командируемым из министерств, даются на основании Свода законов, {статья которого по этому предмету как-то постоянно ускользала от моего внимания, хотя я с некоторыми частями свода, – как по случаю описанного в IV главе «Моих воспоминаний» дела сестры моей, так и для правильного ведения моих служебных дел, – хорошо ознакомился}.

По значительности моих занятий в лето 1843 г. я ни с кем почти не познакомился в Новгороде; в те дни, которые я проводил дома, я с удовольствием слушал пение моей жены и Строковского и беседовал с И. Н. [Иваном Николаевичем] Колесовым^[86], прикомандированным по

окончании курса в военной академии к штабу гренадерского корпуса, расположенному в Новгороде; Колесов проводил у нас целые дни, и жена моя его {с того времени} очень полюбила.

По бедности он не мог продолжать службу в Генеральном штабе; жена моя дала ему письмо к М. Н. [Михаилу Николаевичу] Муравьеву^[87] с просьбой определить Колесова в гражданскую службу. Муравьев, который никогда ни в чем нам не отказывал, рекомендовал его директору Департамента внешней торговли, который и определил его помощником столоначальника в свой департамент. Колесов, как человек способный, довольно скоро подвигался вперед по службе; занимал впоследствии должность вице-директора Департамента внешней торговли (ныне таможенных сборов), дослужился до тайных советников, но, не сумев понравиться министру финансов Рейтерну^[88], не попал в директоры департамента, а назначен был членом Совета Министерства финансов с сохранением всего вице-директорского содержания и с оставлением правительственным членом Совета Главного общества железных дорог, получая и по этой должности также значительное содержание.

Жена моя, большая мастерица ко всему рукодельному, от скуки учи лась в Новгороде переплетному мастерству и много в нем успела. Но большая часть времени в те дни, которые я проводил дома, проходила в разговорах, относящихся к устройству шоссе. Ни прежде, ни после ни об одном предмете, входящем в район деятельности инженеров путей сообщения, не было мною и при мне говорено столько, сколько говорилось о шоссе в Новгороде, причем было излагается несколько различных взглядов на способ устройства, исправления и содержания шоссе. Очень ошибаются те, которые думают, что это дело очень просто; устроить и содержать хорошо шоссе на разных почвах, с условием употребления наивозможно меньших издержек совсем не легко. Понятно, как должны были надоесть жене моей эти бесконечные толки о шоссе.

Проезжая в конце октября по шоссе между Новгородом и ст. Померанье, в одном из почтовых станционных домов, в котором я ожидал запряжки в мою карету свежих лошадей, взошел молодой человек в сопровождении жандарма. Молодой человек был приятной наружности; на нем была простая суконная без подкладки солдатская шинель, а так как время было очень холодное, то он совершенно замерз. Я спросил у жандарма, кого он везет; получив в ответ, что это бывший⁸ воспитанник Института инженеров путей сообщения, разжалованный в рядовые, которого жандарм везет на Кавказ, я обратился к молодому человеку с вопросом, за что он разжалован, и узнал от него следующее, впоследствии подтвержденное мне рассказами многих других лиц. В отсутствие Клейнмихеля из Петербурга в портупей-прапорщичьем {(высшем воспитанничьем)} классе Института инженеров путей сообщения освистали одного из ротных офицеров, {о низкой степени образования которых мною упомянуто во II главе «Моих воспоминаний»}. Подобные шалости как в институте, так и в других учебных заведениях были очень обыкновенны, а потому и наказание, наложенное на провинившихся, не выходило из общего порядка вещей. Клейнмихель, узнав об этом по возвращении в Петербург, нашел, что наказание будто бы не соответствовало проступкам, и, представив Государю все дело в самом неправильном виде, испросил разжалования пяти {неизвестно почему признанных особенно виновными} портупей-прапорщиков в рядовые с назначением в войска Кавказского корпуса, наказав каждого из них, сверх того, тремя ударами {ударами} розог в присутствии обеих рот Института инженеров путей сообщения. Жестокость чисто аракеевская! Замечательно, что эта экзекуция происходила в самый день именин жены Клейнмихеля (19 октября), когда он со своим семейством был у обедни в своей домашней церкви, а всеподданнейший доклад по этому предмету состоялся в день ее рождения (17 октября). Чтобы, так сказать, рафинировать эту жестокость, он в том же всеподданнейшем докладе испросил, чтобы ее исполнение было поручено его товарищу генерал-лейтенанту Рокасовскому^[89], бывшему воспитаннику этого самого института, {когда в нем не только о телесных, но и других наказаниях

⁸ бывший вписано над строкой.

помину не было, человеку, которому по доброте его и по образованию не могла быть не противна подобная жестокость}. При выстроенных обеих ротах института были наказаны пять портупей-прапорщиков и разжалованы в рядовые; говорят, что только первому дали назначенное число ударов розгами, а другим менее. Рокасовский по окончании экзекуции, конечно, {должен был} отправиться к Клейнмихелю для донесения об ее окончании; он остался завтракать у Клейнмихеля, так как это был день рождения жены последнего. Не говоря уже о страшной жестокости этого наказания, нельзя не упомянуть, что оно было противно и тогдашним законам. Все пять молодых людей, подвергшиеся наказанию, были дворяне, которые по законам были освобождены от телесного наказания. {Некоторые на это возражали, что их наказывали, как детей, но они все уже вышли из детского возраста, и детей не наказывают разжалованием в рядовые, не говоря уже, что немисливо малолетнего истязать тремястами ударами розог. Сверх того, и по их званию портупей-прапорщиков они были не дети и не могли быть подвергнуты телесному наказанию.

Во II главе «Моих воспоминаний» я описывал, как один из начальников института в 1830 г. высек очень легко несколько кадет института и какую это сечение произвело бурю; теперь же подобная жестокость прошла без последствий. Вот какого прогресса достигли мы в протекшие 13 лет!} В публике, конечно, сильно осуждали Клейнмихеля; говорят {даже}, что когда жена его взошла в ложу театра {вскоре после описанной экзекуции}, то раздались крики: «Вот жена палача», {но от вполне загнанного тогда общества нельзя было ожидать сильного протеста. Если действительно и были означенные крики, то они более происходили от ненависти общества к Клейнмихелю и потому, что телесное наказание, столь обыкновенное в других учебных заведениях, как-то не вязалось с вкоренившейся в обществе идеей об Институте инженеров путей сообщения в продолжении его с лишком 30-летнего существования. Ведь то же общество не протестовало против подобных жестокостей, совершаемых начальствующими лицами в других учебных заведениях. Мне известно, что бывший директор военно-учебных заведений, генерал-адъютант Иван Онуфриевич Сухозанет в 30-х годах засек до смерти перед выстроенными кадетами Московского кадетского корпуса одного из их товарищей; даже в Москве мало об этом говорили.

Приведу пример тогдашних понятий человека доброго и образованного. Гораздо позже описанного мною происшествия, вскоре после того что всем войскам дали вместо киверов каски, один из инженер-подпоручиков, слушавших курс наук в Институте инженеров путей сообщения, встретился на Большой Морской улице с Государем, который был в каске и шинели. Между генеральской и офицерской касками в гвардейском корпусе не было почти никакого различия, а потому генерала в шинели трудно было отличить от офицера. Подпоручик же, встретивший Государя, никогда его не видал, а потому при встрече с ним только посторонился, не остановившись во фронт и не приложивши руку к своей треугольной шляпе, которая тогда еще не была заменена каскою в корпусах инженеров путей сообщения и горном. Государь же, нисколько не посторонившийся, толкнул подпоручика, обругал его и спустил с одного плеча шинель, чтобы показать генеральские эполеты; подпоручик, приложив руку к шляпе, полагая, что он встретился с генералом, извинился, что не отдал должной его превосходительству чести. Государь приказал ему идти на главную гауптвахту Зимнего дворца. По приходе подпоручика на эту гауптвахту караульный офицер не хотел его принимать, говоря, что это какой-нибудь генерал сгоряча послал его на гауптвахту и что никто не захочет ссориться с Клейнмихелем, начальником подпоручика, а потому пославший последнего на гауптвахту верно не даст этому делу никаких последствий; однако же подпоручик остался на гауптвахте. Через несколько времени позвали его в кабинет Государя, где он застал Клейнмихеля. Вот как мне передавали бывший в этом кабинете разговор. По входе подпоручика в кабинет Государь сказал, что вот каких Клейнмихель готовит офицеров на службу, что подпоручик заслуживает быть выброшенным из окна на площадь, с тем чтобы быть разорванным народом, но что он его

презирает и вследствие этого приказывает не подвергать его никакому наказанию. На другой день Клейнмихель пришел в институт и, собрав всех слушающих курс наук подпоручиков и прапорщиков, которых было тогда до ста человек, рассказал им гнусное, по его мнению, поведение подпоручика, милость Государя, который его простил, и, разгорячась, прибавил, что все слушающие курс офицеры должны быть наказаны за поведение их товарища и что Клейнмихель, несмотря на прощение Государем последнего, всех их разжалует в рядовые. Бывший в этот день дежурным за адъютанта при Клейнмихеле инженер-капитан Адамович изъяснил тогда соболезнование, что напрасно Клейнмихель горячится с мальчиками, чем может повредить своему здоровью; что пусть, не горячась, разжалует их в рядовые, лишь бы сберечь свое драгоценное здоровье. А Адамович человек добрый и кончил курс в Харьковском университете. Но тогда была бездна Адамовичей! Нечего и говорить, что, несмотря на тогдашнее грозное время и на силу Клейнмихеля, предположение Адамовича было немислимо привести в исполнение. Упомянутому же подпоручику, несмотря на объявленное Государем прощение, не дозволили окончить курса в институте, и он был послан на службу на Кавказ.

Вскоре засим были уничтожены офицерские классы в институте, и окончившие в нем курс наук производились прямо в инженер-поручики, за исключением недостаточно хорошо выдержавших экзамен, которые производились в инженер-подпоручики и даже прапорщики.

Возвращаясь к рассказу о наказании пяти портупей-прапорщиков в Институте инженеров путей сообщения. После описанной экзекуции их посадили в холодные подвалы в ожидании приведения в исполнение распоряжений по отправлению их на Кавказ с жандармами. } Некоторые из инженеров-преподавателей в институте вздумали сделать подписку для сбора денег в пользу наказанных. Клейнмихель, узнав об этом, призвал одного из начавших эту подписку, инженер-капитана Ф. И. [Фердинанда Ивановича] Таубе^[90], разобрал его, угрожал, что доложит ГОСУДАРЮ имена подписавшихся, которые подвергнутся строгому наказанию, и запретил подписку. Она, вследствие этого, не состоялась, но и подписавшиеся не были подвергнуты преследованию. Я дал встретившемуся со мною бывшему воспитаннику института 50 руб. сер. с тем, чтобы он купил себе в Новгороде теплую одежду. Что было бы со мной, если бы Клейнмихель узнал об этом.

{ Не могу при этом не обратить внимания, что с воцарением Императора Александра II подобные наказания сделались немислимы. }

Клейнмихель, недовольный слабостью, которую, по его мнению, выказало начальство института, заменил его новым. Из старших начальников были уволены: от должности директора института инженер генерал-лейтенант [Андрей Данилович] Готман^[91] и от службы помощник его по фронтовой и хозяйственной части генерал-майор [Владимир Николаевич] Лермантов^[92], { о котором я упоминал во II главе «Моих воспоминаний» }. Директором был назначен [Валериан Федорович] Энгельгардт (он давно умер), произведенный незадолго перед тем в генерал-майоры из полковников какого-то гвардейского полка. Говорят, что Энгельгардт, при всей своей ничтожности и робости, отказывался управлять специальным заведением и говорил Клейнмихелю, что его желания ограничиваются тем, чтобы быть назначенным командиром одного из гвардейских полков или какой-нибудь армейской бригады, но Клейнмихель сказал ему, что он мелет вздор, что нет никакого затруднения управлять институтом, которым управлял же Готман (он последнего при этом случае называл дураком, чем, конечно, Готман не был), и что место директора этого заведения предпочтительнее мест, которые Энгельгардт надеялся получить. Энгельгардт был человек недалекого ума и без образования, обходился с воспитанниками института грубо, говоря им всем *ты* { вместо общеупотребительного *вы* }. Учившись только одной арифметике, он не имел понятия о существовании других математических наук; обращаясь к воспитаннику высших классов, когда он занимался аналитической механикой или высшими математическими исчислениями, он его спрашивал:

– Что ты арифметику учишь?

А когда воспитанник называл ту науку, которую был в это время занят, он говорил: – Ну да, я говорил, что ты арифметику повторяешь.

Помощником к Энгельгардту, на место [*Владимира Николаевича*] Лермантова, назначен был гвардейский полковник Г. Ф. [*Григорий Федорович*] Гогель, {о котором я упоминал в III главе «Моих воспоминаний»}. Он был умный, имел некоторое образование, но преподаватели и воспитанники института его не любили, полагая, что он причиною всему, что в это время делалось в институте дурного, тогда как он, по хитрости своей, сваливал все на Энгельгардта, на которого имел большое влияние. Энгельгардт и Гогель были женаты на родных сестрах.

В начале ноября я получил приказание Клейнмихеля приехать в Петербург. Понятно, с каким чувством я ехал в этот город после встречи с несчастным разжалованным в рядовые воспитанником Института инженеров путей сообщения. Клейнмихель со мною ничего не говорил о наказании в институте; он был по-прежнему любезен {со мною}, но, вероятно, в продолжение моей при нем годовой службы убедясь, что я не только не способен на исполнение подобных его распоряжений, но что и взгляд мой на них противоположен его взгляду, решился употреблять меня собственно по инженерной части и вдали от Петербурга, оставляя при мне только звание состоящего при нем по особым поручениям. Впрочем, к моему удалению могли способствовать и происки некоторых из приближенных Клейнмихеля, которые, видя его ко мне расположение и мою с ним откровенность, опасались, чтобы я, заметив их неправильные действия, не довел о них до сведения Клейнмихеля. В это время я в первый раз видел инженер-капитана (впоследствии генерал-лейтенанта и сверхштатного члена Совета Министерства путей сообщения) Аполлона Алексеевича Серебрякова⁹, которого Клейнмихель назначил к себе по особым поручениям и брал впоследствии с собой во все путешествия, причем Серебряков исполнял лакейские при Клейнмихеле должности, а со временем сделался домашним человеком в семействе Клейнмихеля.

Впрочем, какие бы ни были к тому побудительные причины, я получил поручение вне Петербурга. Клейнмихель назначил меня для исправления части Нижегородского шоссе, состоящей в пределах Нижегородской губернии, с оставлением при себе по особым поручениям.

Во II главе «Моих воспоминаний» я упомянул, что при учреждении Главного управления путей сообщения Россия была разделена на десять округов путей сообщения; хозяйственная часть по работам не зависела от управляющего этими округами, а была вверена особым экономическим комитетам. Толь, в виду большого сосредоточения дел, уменьшил число округов до пяти, учредив в каждом окружное правление. В это правление он передал дела уничтоженных им экономических комитетов. При окружных правлениях учреждены были общие присутствия, состоявшие из председателя – управляющего округом и членов: его помощника и начальников искусственного, хозяйственного и распорядительного отделений правления. Высочайшим повелением от 2 июля 1843 г. число округов увеличено до двенадцати⁹ с учреждением в каждом правления и общего присутствия, в котором членами состояли не начальники отделений правления, а особо назначенные к тому два инженерных штаб-офицера, причем распорядительное отделение переименовано в канцелярию этого присутствия. В Петербурге и Москве гражданская строительная часть была в заведовании особых учреждений, подчиненных генерал-губернаторам, без участия Главного управления путей сообщения. Эти учреждения были закрыты по присоединении в 1843 г. строительной части в столицах к означенному управлению, а равно и шоссежных дорог в Московской губернии, устроенных особой дорожной комиссией.

Вследствие этого присоединения при новом образовании округов I (Петербургского) и IV (Московского) состав их правлений увеличен в сравнении с прочими тем, что в общее присут-

⁹ 1) По указу 5 декабря 1846 г. сухопутные и водяные сообщения в Царстве Польском составили XIII округ.

ствие этих правлений назначены членами уездный предводитель дворянства, городской голова столицы (впоследствии замененные особыми депутатами от дворянства и купечества), штаб-офицер по назначению генерал-губернатора и два архитектора; число отделений этих правлений увеличено счетным и чертежным.

Всем вновь назначенным начальникам округов и их подчиненным приказано было отправиться к своим местам так, чтобы они могли открыть свои действия, сообразно новому распределению округов, с 1 января 1844 г.

При этом преобразовании бывший более 6 лет управляющим III (Московским) округом, по преобразовании переименованным в IV, генерал-майор [*Николай Богданович*] Гермес^[94], которым Клейнмихель был очень недоволен, был назначен начальником VI (Казанского) округа. В этом округе были одни естественные водяные пути и только 50 верст Нижегородского шоссе от границы Нижегородской губернии, идущее по левому берегу Оки до Нижнего Новгорода. По прежнему разделению округов все это шоссе было в районе бывшего III (Московского) округа; последняя его часть, ближайшая к Нижнему Новгороду, была открыта летом 1843 г., почему и были переведены на нее почтовые лошади, но шоссе оказалось так дурно устроенным, что принуждены были через два месяца его закрыть и почту снова перевести на правый берег р. Оки. Клейнмихель желал исправить эту часть шоссе ко времени Нижегородской ярмарки 1844 г. Вновь назначенный начальник VI округа доносил о затруднениях достать в столь короткое время потребный для исправления шоссе каменный материал и определял высокую цену на то малое количество, которое он надеялся заготовить. Клейнмихель, не доверяя ему, поручил исправление означенной части шоссе мне исключительно, без всякого вмешательства в это дело правления VI округа. Я получил от него по случаю этой командировки предписание от 9 ноября № 3671, которое привожу здесь буквально:

В сентябре месяце текущего года поручено начальнику VI округа путей сообщения, генерал-майору Гермесу, заподрядить немедленно все нужные на исправление участка Нижегородского шоссе, в районе сего округа состоящего, материалы и рабочих и вообще принять все меры, чтобы участок этот окончательно устроен был ко времени следования в будущем году Нижегородской ярмарки. Генерал-майор Гермес доселе ограничивал свои действия одной перепиской о вызове желающих, и наконец в рапорте от 30 октября за № 59, изъясняя затруднения в приобретении исчисленных на исправление шоссе каменных материалов, находит единственным средством к заготовлению их разделение производства работ на два года, т. е. чтобы окончание переделки шоссе было отсрочено до 1845 г.

В ответ на это я дал генерал-майору Гермесу особое предписание за № 3619; копию с сего предписания при сем прилагаю.

Не ожидая, однако ж, и после сего желаемых результатов, я, по особенной моей к Вам доверенности, избрал Вас к окончанию сего дела и, поручая вполне соображению вашему: как исправить этот участок шоссе и как заготовить материалы, предписываю отправиться немедленно на место и принять неотлагательно самые деятельные по сему меры. Дабы не стеснить Вас в действиях, я не указываю Вам здесь никаких условий и ограничиваюсь токмо одним требованием, чтобы участок Нижегородского шоссе, VI-му округу принадлежащий, был приведен в устройство ко времени будущей ярмарки; но ежели бы действительно было невозможно привести его в таковое положение, чтобы пустить в это время обозы, то, по крайней мере, оно должно быть уже в таком состоянии, чтоб прочий проезд в легких экипажах был возможен.

От усердия вашего и благоразумия всего ожидаю. Об успехе действий ваших доносит мне с каждою почтою, и ежели нужно будет, то и по эстафете.

Для соображений Ваших прилагаю у сего в копии всю переписку, которая доселе об исправлении означенного шоссе производилась.

По получении этого предписания я немедленно выехал в Новгород, где должен был покончить много дел по текущей отчетности, запущенной начальниками дистанций дирекции шоссе, которую я заведовал, по причине чрезмерно больших занятий работами по улучшению шоссе.

Проезжая в Нижний Новгород через Москву, я виделся с матерью и сестрой; в Москве я нанимал небольшое помещение для всей моей мебели и большей части моего имущества, так как последнее время вел бродячую жизнь и имел с собой только самое необходимое.

В Нижнем Новгороде, куда я с женою и Е. Е. [*Екатериной Егоровной*] Радзевской приехал в конце ноября, я остановился у сестры моей жены, графини Л. Н. Толстой [*Лидии Николаевны урожд. Левашовой*]^[95], в нанимаемом ею доме на Печерской улице. Муж ее продолжал быть по-прежнему чудачком; вставал поздно, в полном дезабилье ходил по всем комнатам, по целым часам расчесывая гребнем свою красивую бороду. Он выказывал замечательную медленность в сообразительной способности. Читая иногда вслух какую-нибудь хорошим слогом написанную книгу самого простого содержания, он каждый период повторял по два и по три раза; так сказать, прожует его, прежде чем понять. Часто жена моя ему говаривала:

– Полноте читать вслух; вы повторением и жеванием¹⁰ каждого слова всем надоели.

Но Толстой не мог читать иначе как вслух; он только при таком чтении мог понимать то, что читал. Пробыв у Толстых с месяц, мы переехали в небольшой нанятый нами недалеко от них домик, а в начале апреля переехали в Кунавино^[96], предместье Нижнего на левом берегу Оки.

Когда мы жили поблизости от дома, занимаемого Толстым, он, быв у нас в гостях, так заболел, что не мог даже добраться до своего дома. Жена же его по болезни не могла ходить пешком, а лошадей до того боялась, что не решалась сесть в экипаж. Однако же для того, чтобы видеться хотя изредка с мужем, она решалась сесть в сани, но ехала шагом и не иначе, как чтобы впереди ее саней ехали другие сани, а с обеих сторон и сзади ее самой шли несколько человек. Это торжественное шествие было очень забавно; {тогда еще допускалось моей свояченице право боязни: позже ее положение, как будет мною описано далее, было так бедственно, что ей не приходило в более в голову чего-либо бояться}.

Весной 1844 г. вода в р. Волге была очень высока; наводнение ярмарочного гостиного двора и предместья Кунавина было значительно. Я с женою {с начала апреля} жил в {в Кунавине} в двухэтажном доме {на берегу р. Оки; наше помещение было} в верхнем этаже, а внизу была кухня. Когда вода прибыла в реку, она дошла почти под самый пол верхнего этажа, так что мы принуждены были повара с кухней перевести в другой дом, а кушанья нам привозили в лодках, из которых очень легко было перелезть на наш балкон. Таким же образом к нам входили и все нас посещавшие. Толстой, имевший дар всего опасаться, неоднократно письмами ко мне и к жене моей упрашивал нас оставить занимаемый нами дом, пока не сойдет весенняя вода, опасаясь, что при сильной буре наш дом будет снесен и мы потонем.

В Нижнем я не застал губернатора [*Михаила Петровича*] Бутурлина^[97]; его должность исправлял вице-губернатор Максим Максимович Панов^[98], человек остроумный, образованный, но взяточник. Я познакомился с ним, равно как почти со всеми прочими старшими нижегородскими чиновниками, за исключением председателя казенной палаты Бориса Ефимовича Прутченко^[99]. {В дальнейшем рассказе о моей жизни в Нижнем я встречаюсь с некоторыми из этих чиновников.} Всех ближе познакомился я с домом Тимофея Гордеевича Погуляева^[100], члена нижегородской солеперевозной комиссии, потому что его старшая дочь, Екатерина, была

¹⁰ и жеванием вписано над строкой.

замужем за инженером путей сообщения поручиком Городецким^H, а вторая, Вера, весной 1844 г. вышла также за инженера путей сообщения поручика [*Геннадия Николаевича*] Виноградова^[101]; оба они были моими подчиненными. Погуляев, как все утверждали в Нижнем, пришел в этот город в нищенской крестьянской одежде; его прозвище было Погуляй-не-пей-пиво; он сумел выйти в чины и нажить на службе большое состояние. Рассказывали, что при перевозке соли, производившейся по распоряжению означенной комиссии, исчезали огромные барки соли и делались разные злоупотребления при ее хранении в нижегородских запасных магазинах, что это все обогащало председателя и членов комиссии, из которых Погуляев был всех умнее, и потому ему доставалась львиная часть. Судя по состоянию, которое он нажил, равно как председатель Александр Иванович Мессинг^[102] и другие чины комиссии, надо полагать, что злоупотребления действительно были весьма значительны.

Несколько лет спустя некоторые из означенных запасных соляных магазинов, устроенных вблизи Нижнего на уклоне высокого правого берега р. Оки, сползли вместе с берегом. Назначена была комиссия под председательством вышеупомянутого председателя казенной палаты Прутченко, в которой я был членом, для определения причин повреждения магазинов, спасения соли и составления проекта по возобновлению магазинов. Благодаря этой комиссии соль была спасена от расхищения членами солеперевозной комиссии, которые, конечно, показали бы, что при повреждении магазинов вся соль, которую они продали бы в свою пользу, засыпана обвалами берега. Вскоре после означенного обвала солеперевозная комиссия была уничтожена и вместо ее образовано соляное отделение при казенной палате. {Я уже упоминал в IV главе «Моих воспоминаний», что} бывший впоследствии председатель этой палаты В. Е. Вердеревский^[103], разыгравший роль синодального обер-прокурора в деле моей сестры, разграбил всю соль, за что по приговору суда был сослан в Сибирь^[104].

Т. Г. Погуляев, кроме двух упомянутых дочерей, имел еще много детей, из которых старший сын^[105] был очень умный молодой человек. По окончании курса в училище правоведения он служил в Петербурге, быстро попал в обер-прокуроры Сената, но, несмотря на это, вследствие неудовлетворенного честолюбия сошел в молодых годах с ума и вскоре умер. У Т. Г. Погуляева был открытый дом; он принимал каждый день, и все его гости с двух часов пополудни до полуночи и долее играли в карты. Он играл превосходно в разные коммерческие игры и постоянно был в выигрыше. Во время производства огромных работ в Нижнем во исполнение повелений Императора Николая I, {о которых я подробно говорил в IV главе «Моих воспоминаний»}, Погуляев постоянно играл с инженерами путей сообщения, которые, за исключением полковника Готмана и подполковника [*Владимира Петровича*] Стремоухова^[106], получали большие незаконные выгоды от производимых ими работ. Игра была значительная, и Погуляев всех обыгрывал. По недостатку денег для исполнения всех указанных Императором Николаем работ необходимо было их прекратить, и я в Нижнем не застал никого из инженеров, бывших при означенных работах, за исключением Стремоухова, состоявшего членом Нижегородской губернской строительной комиссии. Карточная игра у Погуляева продолжалась, но далеко не была так значительна, а так как состоявшие под моим начальством инженеры при шоссе, а впоследствии и по должности моей начальника работ Нижнего Новгорода, в каковую я был назначен в 1845 г., не пользовались от производимых ими работ, то Погуляев часто, своим хохлацким наречием, говорил им, что я совсем испортил инженеров, теперь играющих по такому малому кушу, и что он через это лишен возможности выигрывать, как бывало до меня, большие деньги. Я также часто играл у него в карты и постоянно проигрывал, что, несмотря на незначительность куша мой игры, составляло для меня большой счет.

В начале весны 1844 г. приехал в Нижний вновь назначенный губернатором свиты Его Величества генерал-майор князь Михаил Александрович Урусов^[107], впоследствии генерал от кавалерии, сенатор и почетный опекун в Москве. Урусов был человек очень ограниченный, но вместе с тем до крайности самолюбивый; он ни по образованию, ни по роду своей преж-

ней службы не имел никаких сведений, необходимых губернатору, и о Своде законов не имел никакого понятия. Но тогда было такое время, что всякий годился. Губернаторы властвовали произвольно, и все загнанное общество им покорялось; {протестовать почти никто не осмеливался. Далее я буду иметь случай еще многое рассказать про Урусова, но теперь ограничусь только рассказом о том, как } я его увидел в первый раз еще в 1832 г. Это было на второй день Святой недели на разводе^[108]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Об Александре Антоновиче Дельвиге говорится в первом томе «Моих воспоминаний», см. по Указателю имен первого тома.

2.

Об Александре Ивановиче Чернышеве говорится в первом томе «Моих воспоминаний», см. по Указателю имен первого тома.

3.

В описываемый период граф Петр Андреевич Клейнмихель (1793–1869), принял назначение главноуправляющего путями сообщения и публичными зданиями (с 1842 по 1855). «Главным делом Клейнмихеля за это время является сооружение Николаевской железной дороги... Вся линия была открыта 1 нояб. 1851... Государь живо интересовался этой постройкой и деятельностью Клейнмихеля был очень доволен; но нельзя не признать, что она, при всей аккуратности и быстроте, обходилась чрезвычайно дорого и государству, и народу» (Русский биографический словарь. Издан под наблюдением председателя Имп. русского исторического общ-ва А. А. Половцова. Т. VIII. Ибак – Ключарев. С.-Петербург: Тип. Главного управления уделов, 1897. С. 732–733). О Петре Андреевиче Клейнмихеле говорится также в первом томе «Моих воспоминаний», см. Указатель имен первого тома.

4.

Девят(н)ин Александр Петрович (ок. 1779–1849). Хорошо знавший высшую бюрократию в царствование императора Николая I М. А. Корф писал о нем в своем дневнике: «Воспитанный и служивший всю жизнь в корпусе путей сообщения, обладавший некогда в полной мере покойным герцогом Александром Вюртембергским, точно так же как теперь он владеет Толем, Девяткин [М. А. Корф пишет его фамилию именно так] есть, без сомнения, человек очень умный, способный и особенно тонкий. Формы его приятны и вежливы, может быть слишком даже вежливы в теперешнем его положении, к которому он никогда себя не приготавливал и в котором и теперь не умеет еще хорошенько найтись. Репутация его насчет бескорыстия чиста, что много значит в том корпусе, где он служит, но его укоряют в другом экстреме – том, что он человек тоже слишком казенный, притесняющий, где только можно, подрядчиков» (Корф М. А. Дневник за 1840 год. М., 2017. С. 118).

5.

О Карле Федоровиче Толе говорится в первом томе «Моих воспоминаний», см. по Указателю имен первого тома.

6.

Константин Иванович Фишер приводит в своих воспоминаниях еще одно объяснение смещения А. П. Девят(н)ина с поста помощника («товарища») главноуправляющего путей сообщения. Сразу после назначения Клейнмихеля главноуправляющим (в 1842) он поехал осматривать учреждения своего ведомства. «Девятин, человек честолюбивый и вкрадчивый, на этот раз опростоволосился; он старался блеснуть своим умом и своими познаниями и в этих видах, сидя в коляске с графом, рассказывал ему многословно, как, что и для чего учреждено, с намеками, что много хорошего сделано по его мыслям. Хуже он не мог отрекомендовать себя. Он не рассчитал, что для невежды министра всеведущий товарищ хуже чумы... Не прошло недели, как Девятин переведен в Совет, а на его место назначен робкий, безгласный Рокасовский, перед которым Клейнмихель вовсе не церемонился» (Записки сенатора К. И.

Фишера // Исторический вестник: историко-литературный журнал. Т. СХІІІ. Спб., 1908, авг. С. 431).

7.

Рокасовский Алексей Иванович, барон (1798–1850) – в 1814 окончил Институт корпуса инженеров путей сообщения. С 1819 по 1822 в Н. Новгороде руководил работами по устройству ярмарки, затем проводил изыскания для устройства сообщения между Неманом и Балтийским морем. С 1828 управляющий разными округами путей сообщения. С 1839 – директор 1-го департамента Главного управления путей сообщения и публичных зданий, в 1842 назначен товарищем (помощником) главноуправляющего, графа Клейнмихеля. С 1848 сенатор. Оставался помощником главноуправляющего до конца жизни.

8.

Будберг Александр Богданович, барон (1797 или 1804–1876 или 1879) – в означенное время Будберг был полковником Александрийского гусарского полка и командиром этого полка; с 1846 генерал-майор. Командиром л. – гв. Гусарского е. и. в. полка А. Б. Будберг назначен в 1848. С 1855 в свите е. и. в., Одновременно командир бригады 1-й гвардейской легкой кавалерийской дивизии, а с 1856 командующий 2-й гвардейской легкой кавалерийской дивизией. В отставке с 1862.

9.

Об Иосифе Романовиче Анрепе-Эльмпте говорится в первом томе «Моих воспоминаний», см. по Указателю имен первого тома.

10.

Клейнмихель (урожд. Ильинская, в 1-м браке Хорват) Клеопатра Петровна (1811–1865) – статс-дама, кавалерственная дама ордена Св. Екатерины. Родители: Петр Ильинский и Елизавета Никаноровна Переверзева; муж: (1) Владимир Осипович Хорват, (2) Петр Андреевич Клейнмихель; в семье Клейнмихелей было восемь детей.

11.

Об Александре Ивановне урожд. кнж. Волконской, баронессе Дельвиг, в браке Викулиной, родной сестре автора, говорится в первом томе «Моих воспоминаний», см. по Указателю имен первого тома.

12.

Клейнмихель (Kleinmichel) Андрей Андреевич (1757–1815) – родоначальник русского графского рода, один из любимцев императора Павла I, приближенный А. А. Аракчеева; генерал-лейтенант (1800), адъютант штаба генерал-поручика П. И. Мелиссино (1789–1790), директор Второго кадетского корпуса (1800), шеф Дворянского полка (с 1807), директор инспекторского департамента Главного штаба (1814). Жена: Анна Францевна Ришар; дети: Петр, Мария (в браке Hartong), Елизавета (в браке Храповицкая), Варвара (в браке Огарева), Анастасия (в браке Свинына).

13.

Каптенармус – унтер-офицер, ведавший хранением и выдачей имущества и продовольствия в военной части.

14.

Об Алексее Андреевиче Аракчееве говорится в первом томе «Моих воспоминаний», см. по Указателю имен первого тома.

15.

Мелиссино Петр Иванович (1726–1797) – окончил Сухопутный кадетский корпус, служил в артиллерийских войсках. Участвовал в Семилетней и первой Русско-турецкой войне (1768–1774). В 1783 назначен директором Соединенной артиллерийской и инженерной дворянской школы (кадетского корпуса), с этих пор ценил и опекал А. А. Аракчеева за его способность к военной науке.

16.

Об Анне Францевне Ришар говорится в первом томе «Моих воспоминаний», см. по Указателю имен первого тома.

17.

Ангальт Федор (Фридрих) Евстафьевич, граф (1732–1794) – сын наследного принца Ангальт-Дессау, Вильгельма Августа, с 1783 в русской службе. В 1783–1786 совершил поездку по России, изучая жизнь страны, особое внимание уделяя вопросам народного образования, торговли и промышленности. По возвращении в С.-Петербург (1786) представил императрице доклад, за который был награжден орденами Св. Александра Невского и Св. Андрея Первозванного. С 1787 директор Сухопутного шляхетского корпуса (1-го кадетского корпуса). На собственные деньги Ангальт значительно увеличил библиотеку корпуса, а также улучшил физический и натуральный кабинеты. В 1787 по его просьбе Екатерина II передала корпусу библиотеку генерала Еггерса (около 7 тыс. томов); Ангальт предоставил ее в пользование жителей С.-Петербурга. С 1788 состоял президентом Вольного экономического общ-ва, которому передал коллекцию образцов русских деревьев.

18.

Имеются в виду военные действия союзной коалиции на территории Франции зимой и весной 1814 против Наполеона, которые сопровождались частыми передвижениями войск.

19.

Речь идет о событиях весны – лета 1831 г., когда во время восстания в Царстве Польском часть польских войск предприняла наступление на территорию Великого княжества Литовского, преимущественно на земли Виленской, Гродненской и Минской губ.

20.

Нелидов Аркадий Аркадьевич (1804– к. 1860-х) – штабс-ротмистр Кавалергардского полка и курский губерн. предводитель дворянства (1849–1852). Родители: сенатор Аркадий Иванович Нелидов (1772–1834) и София Федоровна Буксгевден (1778–1828); жена: Елизавета Петровна Ильинская (сестра жены графа Клейнмихеля Клеопатры Петровны). В 1850-х жена Нелидова и шестеро детей умерли от туберкулеза.

21.

Нелидова Варвара Аркадьевна (1814–1897) – камер-фрейлина, фаворитка Николая I, вероятная мать его внебрачных сыновей. Александр Александрович Вонлярлярский был ее дальним родственником.

22.

В декабре 1837 Зимнем дворце произошел грандиозный пожар, в результате которого были утрачены многие произведения изобразительного искусства. Ремонт и реставрация дворца действительно продвигались довольно быстро. Император Николай I в письме к наследнику престола, написанном им в сентябре 1838, рассказывает о том, что к этому времени были сделано: «Я приехал от Салтыкова подъезда и прошел прежде всего на самый верх в свои комнаты: все своды, потолки и каменные полы готовы. Оттуда через свой коридор по лесам прошел в концертную залу и видел готовый железный потолок, уже окрашенный; потом воротился той же дорогой во фрейлинский коридор, который обратился в прекраснейшую чистую широкую галерею. Оттуда же по черной лестнице на чердак, где такая же славная галерея под железными стропилами, прекрасная, стоит полюбоваться; оттуда через купол ротонды взшел на кровлю, совершенно конченную. Потом, возвратясь той же дорогой, вошел в твои комнаты, которые в равной с моими отделки; все уже на месте, недостает только штукатурки, расписки и полов. Потом прошел в комнаты братцев, кои тоже поспевают; коридор будет очень хорош и довольно светел. Затем прошел я в комнаты Мама, там тоже все в полном ходу и уже начинают класть мрамор и штукатурить. Малая церковь – почти в той же степени. В ротонде купол кончен. Оттуда прошел я залами на парадную лестницу. Везде потолок кончают, и грунт под фальшивый мрамор на месте. На парадной лестнице новые гранитные колонны отлично хороши и кончается потолок» (Переписка цесаревича Александра Николаевича с императором Николаем I. 1838–1839. М., 2008. С. 131).

Константин Иванович Фишер, директор Департамента железных дорог Главного управления путей сообщения и публичных зданий с 1842 по 1848, дает весьма критическую оценку этих работ. «Клейнмихель, только что окончивший возобновление Зимнего дворца, считал себя специалистом по части великих сооружений... Специализм Клейнмихеля был очень подозрительного свойства. Кажется, в 1839 г. сгорел Зимний дворец. Государь собрал лучших архитекторов и просил их „починить ему дом скорее“. Они единогласно объявили, что скорее двух лет никак нельзя кончить эту работу, – и не уступали никаким настояниям государя. Тогда Клейнмихель, заведовавший казарменной строительной частью, вызвался возобновить дворец в один год, – и ему дана *carte blanche*. Клейнмихель не тужил о деньгах, дал строительным средствам насильственное развитие; наставил сотни железных и чугунных печей, чтобы сушить кирпичную кладку и штукатурку; 10 тыс. человек работали во дворце зимою при 10–20° мороза снаружи и 20–25° тепла внутри, штукатурили, полировали, золотили! Дворец был готов через год, но готов только для смотра, а не для обитания. Усиленная нелепо, невежественно топка высушила наружные оболочки, заперев ими исход внутренней сырости. Как только топка заменилась нормальной, сырость стала выступать, позолота и штукатурка стали отваливаться и, наконец, обрушился весь потолок Георгиевской залы два часа после окончания бывшего в ней какого-то собрания. Тогда возобновилась работа с новою яростию; несколько тысяч рабочих перемерло от горячки вследствие перехода из жары в стужу. Сметные суммы были далеко передержаны, а чтобы в этом не сознаться, Клейнмихель не платил подрядчикам; весь город кричал о злоупотреблениях, а между тем, еще до провала потолка, Клейнмихель возведен в графское достоинство: в гербе, ему данном при этом случае, изображен дворец, а надпись гласит: Усердие все превозмогает!.. Актер Григорьев... позволил себе явиться на сцену с медалью... сцена представляла кассу Большого театра. Сторож этой кассы, увидя медаль, спросил, под турком он получил медаль или под Варшавой? Григорьев отвечал: „Никак нет-с, в Зимний (дворец) песок возили!“ Весь партер захолопал, но Григорьева посадили на гауптвахту» (Записки сенатора К. И. Фишера // Исторический вестник: историко-литературный журнал. Т. СХII. Спб., 1908, май. С. 445–446).

13 февр. 1842 император Николай I подписал указ о строительстве железной дороги между Москвой и С.-Петербургом. Первый поезд между двумя городами отправился в 1851.

24.

О Егоре Францевиче Канкрине говорится в первом томе «Моих воспоминаний», см. по Указателю имен первого тома.

25.

О Константине Владимировиче Чевкине говорится в первом томе «Моих воспоминаний», см. по Указателю имен первого тома.

26.

Царскосельская ж. д. – первая ж. д. общего пользования в России. Была построена между С.-Петербургом и Царским Селом. Строительство в основном завершилось в 1836. Первый поезд прошел 30 окт. 1837. На первых порах поезда ходили на конной тяге. Полностью на паровую тягу дорога была переведена в 1838.

27.

Возможно, речь идет об авторе проекта соединения Черного и Каспийского морей. Дело о рассмотрении этого проекта в Департаменте путей сообщения и публичных зданий хранится в РГИА, ф. 206, оп. 1, д. 1171. Датируется 20 февр. 1831 – 28 дек. 1832. К проекту приложены пояснительная записка и расчет отверстий железного моста через реку Ауллие-Коро и через реку Чаклар.

28.

Об Александре Сергеевиче Меншикове говорится в первом томе «Моих воспоминаний», см. по Указателю имен первого тома.

29.

Главный штаб е. и. в. – высший орган военного управления, предшественник Генерального штаба.

30.

Герштенцвейг Александр Данилович (1818–1861) – генерал-лейтенант, варшавский воен. генерал-губернатор, главный директор, председательствовавший в правительственной комиссии внутренних дел Царства Польского (1861), адъютант дежурного генерала Главного штаба е. и. в. генерал-адъютанта графа Клейнмихеля (1840–1842), потом (1842–1847) адъютант главноуправляющего путями сообщений графа Клейнмихеля.

31.

Ламберт Карл Карлович, граф (1815–1865) – генерал-майор (с 1849), генерал от кавалерии, член Государственного Совета, исправляющий должность наместника Царства Польского (с 1861, в теч. полугода).

32.

Между двумя управителями польской столицы произошел конфликт полномочий, что привело к резкому объяснению и «американской дуэли» (самоубийство по жребию с целью избежать наказания за классическую дуэль). Герштенцвейг назвал графа Ламберта «изменником», так как придерживался более жесткой тактики в отношении смутьянов, устроивших демонстрации

в польских костелах (Ламберт отменил решение Герштенцвейга об аресте более 1600 человек по этому делу). Жребий выпал Герштенцвейгу, и тот 2 раза выстрелил в себя, получил тяжелые ранения и скончался через 19 дней.

33.

Толстой Григорий Матвеевич (1816–1870) – инженер-генерал-майор, инспектор работ по сооружению Курско-Харьковско-Азовской ж. д., член общего присутствия департамента хозяйственных дел Главного управления путей сообщения, начальник I (Петерб.), потом IX (Ковенского) округов путей сообщения. Родители: Матвей Федорович Толстой (1772–1815) и Прасковья Михайловна Голенищева-Кутузова (1777–1844). Дочь Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова, светл. кн. Смоленского (1746–1813), графиня Параскевья Михайловна (1777–1844) была замужем за графом Матвеем Федоровичем Толстым. Таким образом, речь идет об их сыне Григории Матвеевиче Толстом.

34.

Адамович Дмитрий Ефремович (1824–1902) – инженер путей сообщения, генерал-майор, действ. статский советник; производитель дел комиссии по составлению правил эксплуатации по железным дорогам (под председательством автора), инспектор С.-Петербурго-Варшавской ж. д.; окончил Харьковский ун-т.

35.

Суворов Александр Аркадьевич (1804–1882) – внук генералиссимуса Александра Васильевича Суворова, генерал от инфантерии, князь Итальянский, граф Рымникский, генерал-губернатор Прибалтийского края (1848–1861), С.-Петербур. воен. генерал-губернатор (1861–1866).

36.

О Павле Петровиче Мельникове говорится в первом томе «Моих воспоминаний», см. по Указателю имен первого тома.

37.

Толстой Иван Матвеевич, граф (1806–1867) – министр почт и телеграфов, член Государственного Совета (1866).

38.

Поляков Самуил Соломонович (1837–1888) – купец I гильдии, тайный советник, имел прозвище Железнодорожный король; служил сначала управляющим винокуренным заводом в имении министра почт и телеграфа графа И. М. Толстого, потом составил себе большой капитал в период раздачи ж.-д. концессий и строил Курско-Харьковскую, Харьковско-Азовскую, Козлово-Воронежско-Ростовскую, Орловско-Грязскую, Фастовскую и Бендеро-Галацкую ж. д. Построил ж.-д. училища в Ельце и Харькове, основал ряд банков (напр., Моск. земельный банк, Донской земельный банк, Азовско-Донской банк и т. д.), Общ-во Южно-Русской каменноугольной промышленности.

39.

Потапов Александр Львович (1818–1886) – генерал-адъютант, из воронежских дворян, в 1866–1868 наказной атаман Войска Донского. А. И. Дельви́г пишет «бывший наказной атаман», поскольку начал писать воспоминания зимой 1871/72 г.

40.

Об этом замысле П. А. Клейнмихеля, и так же – без комментариев, как о самоочевидном курьезе, сообщает и К. И. Фишер. «Я затеваю большое дело, – говорил он (Клейнмихель), – пишу самый подробный строительный устав; там все будет. Какая бы ни была постройка, о каждой будет особая глава с инструкциями и чертежами, и потом оглавление. Например, нужен мост 5 сажен ширины, 15 сажен длины. Ищи в оглавлении: Мост, потом: такой-то длины и ширины, страница такая-то, а тут все и есть, как и что. Когда этот труд будет готов – прогоню всех каналий-инженеров» (Записки сенатора К. И. Фишера // Исторический вестник: историко-литературный журнал. Т. СХІІІ. Спб., 1908, авг. С. 443). Высказывая убежденность в том, что Клейнмихель не был казнокрадом и взяточником, Фишер обвиняет в стяжательстве других руководителей корпуса инженеров путей сообщения, с которыми главноуправляющий не ладил отчасти потому, что не разделял их стремления к незаконному обогащению. Мельников, «не будучи взяточником, поступал с подрядчиками хуже, чем взяточник: губил добросовестных, поддерживал плутов. Инженеры тратили на счет подрядчиков баснословные суммы и набивали себе карманы» (С. 234). «...У всех инженеров являлись дома, и даже Шернваль, честный финн, скромных претензий, бывший бедным поручиком на железной дороге, удивил Финляндию своею милою виллою за Выборгом; у Серебрякова дом; у Липина дом; что у Еракова – не знаю, но это бандит» (С. 445). К слову, Александр Николаевич Ераков, которого К. И. Фишер с уверенностью называет бандитом, был вторым мужем сестры поэта Н. А. Некрасова, который, таким образом, был вхож в круг инженеров-путейцев, в результате общения с которыми, возможно, появился замысел знаменитого стихотворения 1864 г. «Железная дорога» с эпиграфом: «Ваня (в кучерском армячке): „Папаша! кто строил эту дорогу?“ Папаша (в пальто на красной подкладке): „Граф Петр Андреевич Клейнмихель, душенька!“»

41.

О Петре Александровиче Языкове говорится в первом томе «Моих воспоминаний», см. по Указателю имен первого тома.

42.

Блудов Дмитрий Николаевич, граф (1785–1864) – действ. тайный советник, министр внутренних дел (1832), главноуправляющий II отделением канцелярии государя, министр юстиции. Один из основателей литературного общ-ва «Арзамас» (1815–1818), литератор. Упоминается в одном из эпизодов II гл. «Моих воспоминаний».

43.

Никитин Андрей Афанасьевич (1794–1859) – тайный советник (1852), статс-секретарь Государственного Совета (1835), писатель, один из основателей «Вольного общ-ва любителей российской словесности» и член С.-Петербур. «Вольного общ-ва любителей словесности, наук и художеств». Окончил Импер. Моск. ун-т (1808), член Совета министра государственных имуществ (1837), член комиссии прошений, на высочайшее имя приносимых (1853).

44.

Об Александре Сергеевиче Шульгине говорится в первом томе «Моих воспоминаний», см. по Указателю имен первого тома.

45.

Трофимович Василий Романович (1799–1856) – в разное время был начальником V (Ярославского) и III (Моск.) округа путей сообщения. О нем также говорится в первом томе «Моих воспоминаний», см. с. 139 и примеч. 349 на с. 556 первого тома.

46.

Система Гоу (William Howe; в наст. время принято Гау) была разработана американским инженером и изобретателем Уильямом Гау и была применена в России по чертежам, привезенным американским инженером Дж. Уистлером (1800–1849), который был приглашен П. П. Мельниковым для строительства Николаевской ж. д. Деревянный мостовой пролет этой конструкции представлял собой решетчатую ферму, стянутую поперечными металлическими тяжами. Система Гау была теоретически перепроверена и усовершенствована русским инженером Дм. Журавским, помощником Уистлера на строительстве Николаевской ж. д., и применена в постройке деревянных «американских» мостов через Обводный канал в С.-Петербурге. Далее говорится о «листовых фермах по системе Гоу»: в 1835 Гау предложил использовать вместо деревянных металлические стержни из листового железа; по расчетам Дм. Журавского в России стали применять болты разного сечения в зависимости от нагрузки.

47.

О Павле Александровиче Вревском говорится в первом томе «Моих воспоминаний», см. по Указателю имен первого тома.

48.

Брискорн (von Briscorn) Максим Максимович (Магнус Рейнгольд) фон (1788–1872) – государственный деятель. До описываемого времени в должности журналиста 2-го отделения канцелярии Главного штаба должен был находиться при особе императора и неоднократно сопровождал Александра I в путешествиях по России и Европе; в 1828 находился при генерале И. И. Дибиче во время похода против турок, в 1829 сопровождал Николая I в поездке в Берлин. В 1831 произведен в действ. статские советники, в 1832 – директор канцелярии Воен. министерства, пользовался полным доверием воен. министра графа А. И. Чернышева. В 1840 произведен в тайные советники. Сближение с графом П. А. Клейнмихелем, желавшим устранить Чернышева с поста министра, стоило Брискорну должности. С 1843 назначен товарищем государственного контролера, в контроле служил до 1853. С 1844 сенатор. Ранее упомянут в IV гл. «Моих воспоминаний».

49.

Павел Петрович Мельников остался неженатым, а Надежда Филипповна Викторова вышла замуж за его сводного брата Александра Петровича Мельникова. Самыми близкими ему людьми оставался брат Алексей Петрович и его семья. Племянница Варвара Алексеевна в 1883 вышла замуж за сына А. С. Пушкина Григория, после свадьбы супруги жили в с. Михайловском, доставшемся Г. А. Пушкину в наследство от отца. В 1899 супруги Пушкины продали Михайловское государству и переехали в Маркучай (лит. Markučiai) в предместье Вильно (Вильнюса) – имение, приобретенное братьями Мельниковыми. Из Михайловского сюда были перевезены личные вещи поэта и Натальи Николаевны Гончаровой. Сейчас здесь Литературный музей А. С. Пушкина, однако вещи семьи А. С. Пушкина не сохранились.

50.

Сохранная казна – кредитное учреждение, существовавшее с 1772 по 1860. Принимала вклады от помещиков и выдавала им кредиты под залог имений и крепостных.

51.

Посещение императором Александром II и императрицей Марией Варшавы было 6–10 июня 1867.

52.

Об Эмилии Николаевне Дельвиг, урожд. Левашовой, жене автора, и его матери, Александре Андреевне Дельвиг, урожд. Волконской, говорится в первом томе «Моих воспоминаний», см. по Указателю имен первого тома.

53.

Об Антоне Эммануиловиче Никифораки говорится в первом томе «Моих воспоминаний», см. по Указателю имен первого тома.

54.

О Дмитрие Гавриловиче Бибикове говорится в первом томе «Моих воспоминаний», см. примеч. 597 на с. 586 первого тома.

55.

Писарев Николай Эварестович (1807–1884) – действ. статский советник, камергер; правитель канцелярии и чиновник для особых поручений киевского губернатора Д. Г. Бибикова (с 1838), председатель временной комиссии для разбора древних актов (1843–1848), созданной и работавшей в Киеве; губернатор Олонецкой губ. (1848–1851). В III отделении Собственной е. и. в. канцелярии было заведено дело «О лихоимстве чиновника для особых поручений при киевском генерал-губернаторе Писарева». Окончил Моск. университетский пансион. Жена: Софья Вишневская, три дочери.

56.

Гене Александр (1798–1872) – окончил Институт корпуса инженеров путей сообщения в 1815.

57.

Петров Александр Григорьевич (1803–1887) – закончил Харьковский ун-т (юридический ф-т и этико-филологическое отд. философского ф-та); директор 1-й гимназии Киева (1836–1844), затем директор Ришельевского лицея в Одессе (в теч. 9 лет) и, кроме того, попечитель учебного округа (до 1846). После добровольной отставки поступил цензором в Моск. цензурный комитет (1860), получил чин действ. статского советника, с 1865 – председатель С.-Петербур. цензурного комитета; в 1875 произведен в тайные советники.

58.

Мартынов Николай Соломонович (1815–1875) – отставной майор; после «несчастной», как выразился автор, дуэли был лишен всех прав состояния и по указу Николая I отбыл 3 месяца на гауптвахте с последующим церковным покаянием в течение нескольких лет в Киеве.

59.

Фундуклей Иван Иванович (1804–1880) – губернатор и почетный гражданин г. Киева. По наследству был обладателем огромных средств, к которым присоединил стекольный завод под Чигирином, а также сахарный завод и купленную у графа Воронцова часть имения в Гурзуфе. Был сказочно щедрым человеком, так, например, он давал обеды и балы, обходившиеся в 500 руб., занимался благотворительностью. В последующем являлся вице-председателем Гос. Совета Царства Польского в звании сенатора.

60.

Перовский Лев Алексеевич, граф (1792–1856) – генерал от инфантерии, камергер, генерал-адъютант (1854), из дворян С.-Петерб. губ., министр внутр. дел (1841–1852), министр уделов (1852–1855), управляющий кабинетом и Академией художеств (1852–1856). Во время Отечественной войны принимал участие в битвах при Бородине, Малоярославце, Вязме и Красном. Участвовал в Заграничных походах 1813–1815 гг., был ранен. Член «Союза благоденствия» и «Воен. общ-ва», что «высочайше повелено оставить без внимания». Брат Алексея Алексеевича Перовского, псевдоним Антоний Погорельский.

61.

Милютин Николай Алексеевич (1818–1872) – российский гос. деятель. В 1840-е официально начинается многосторонняя работа Н. А. Милютина по сборанию и обработке статистических сведений о России. Министр внутр. дел А. Г. Строганов обратил внимание на его записку о голоде и поручил ему составить записку по поводу первых предположений о ж. д. в России. В 1842 ему поручено городское отделение Хозяйственного департамента, здесь он составил городовое положение, введенное сначала в С.-Петербурге, потом в Москве и в Одессе, замечательное по проведенным в нем началам самоуправления. Под непосредственным его руководством изданы первые 2 тома «Городских поселений в России» и сведения о хозяйстве городов с 1838 по 1858 под заглавием «Общественное устройство и хозяйство городов», составлен в Хозяйственном департаменте обширный свод мат-лов «Правительственная статистика России» (самим Милютиным написано извлечение из него, «Число городских и земледельческих поселений в России», напечатано в 1851 в «Сборнике статистических сведений о России»). В последующие годы – товарищ министра внутр. дел (1859–1861), член Гос. Совета Российской империи (1865–1867), главный начальник канцелярии по делам Царства Польского в Петербурге; один из разработчиков Крестьянской реформы 1861 г.

62.

О Екатерине Федоровне Скордули, урожд. Лопухиной, говорится в первом томе «Моих воспоминаний», см. по Указателю имен первого тома.

63.

Браницкая (урожд. Энгельгардт) Александра Васильевна, графиня (1754–1838) – фрейлина, обер-гофмейстерина, племянница Григория Александровича Потемкина. Муж: коронный гетман Польши Ксаверий Браницкий.

64.

Панкратьевский спуск – дорога к Днепру, проложенная с высокой части Киева к берегу реки в 1848 в процессе реконструкции древнего Спасского спуска. Получил свое название по фамилии киевского гражд. губернатора П. П. Панкратьева.

65.

Киевская цитадель – комплекс фортификационных сооружений в Киеве, существовавших в XIX в.

66.

Киево-Печерская лавра – один из первых по времени основания православных монастырей Киевской Руси. Построен в пещерах высокого берега Днепра.

67.

Николаевский цепной мост; автор проекта британский инженер-железнодорожник Чарльз Виньоль (Charles Blacker Vignoles), 1793–1875.

68.

Елена Павловна, вел. кнг. (Friederike Charlotte Marie Prinzessin von Württemberg) (1806–1873) – внучатая племянница вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Родители: принц Павел Карл Фридрих Август (младший сын короля Вюртемберга Фридриха I) и принцесса Шарлотта Саксен-Альтенбургская. Муж: вел. кн. Михаил Павлович, сын Павла I. Дочери: Мария (1825–1846), Елизавета (1826–1845) (умерла в родах вместе с новорожденной дочерью), Екатерина (род. 1827), Александра (1831–1832), Анна (1834–1836).

69.

Кашперов Александр Яковлевич (1795–1861) – инженер-генерал-майор (1858); производитель всех работ по строительству моск. Манежа, который был построен в 1817 по случаю 5-летней годовщины победы России в Отечественной войне 1812 г. по проекту А. А. Бетанкура, директор работ корпуса инженеров путей сообщения по постройке почтовых станций по Динабургскому (Киевскому) шоссе от станции Катежно до города Острова Псковской губ. (1836), начальник Динабургского шоссе (сер. 1840-х).

70.

Об Иване Федоровиче Паскевиче и Григории Христофоровиче Зассе говорится в первом томе «Моих воспоминаний», см. по Указателю имен первого тома.

71.

Гринвальд Родион (Мориц Рейнгольд) Егорович (1797–1877) – генерал от кавалерии (1856), главноуправляющий гос. коннозаводством (1859), генерал-адъютант (1850), член Гос. Совета (1864). «Сдержанный и осторожный, тяжелый на похвалу, но прямой до того, что говорил всегда правду в глаза самым высокопоставленным лицам, как бы она им ни была неприятна, честный, беспристрастно-справедливый и самостоятельный, он всецело был предан долгу службы и добросовестному исполнению своих обязанностей и того же требовал от своих подчиненных, зато в случае необходимости он всегда являлся их заступником» (Федорченко В. И. Свита российских императоров. М., 2005. Кн. 1: А – Л. С. 271).

72.

Об Александре Ивановиче Дельвиге, родном брате автора, говорится в первом томе «Моих воспоминаний», см. по Указателю имен первого тома.

73.

О Прасковье Андреевне Замятниной говорится в первом томе «Моих воспоминаний», см. по Указателю имен первого тома.

74.

Энгельгардт Валериан Федорович (Engelhardt Valerian Ioann von) (1798–1856) – генерал-лейтенант (1852), происходил из дворян Лифляндской губ., состоял при командующем Отдельным Кавказским корпусом генерале от инфантерии А. И. Нейдгардте для особых поручений (1842), директор Института корпуса инженеров путей сообщения (1843–1855), потом член Совета Главного управления путей сообщения и публичных зданий (1855) и аудиториата корпуса инженеров путей сообщения. Жена: Елизавета Михайловна Степова(я).

75.

О Михаиле Николаевиче Бугайском говорится в первом томе «Моих воспоминаний», см. по Указателю имен первого тома.

76.

Рейхель Казимир Яковлевич (1797–1870) – инженер путей сообщения, мостостроитель, управляющий первой в России мостовой организации, генерал-майор-инженер. Руководил всем строительством на шоссе Петербург – Москва в 1821–1838, спроектировал и построил мосты МалоВолховский (185 м) и Волховский в Новгороде (250 м). За усердие в проектировании и строительстве этих мостов, за составление смет и щебенение трасс шоссе Новгород – Старая Русса, Петербург – Москва был пожалован царским правительством деревнями Жихново, Поводье и Шабаново. Имел 10 детей от двух браков.

77.

Вишерский (Маловишерский) канал – часть Вышневолоцкой водной системы, соединяет между собой реки Вишеру и Мсту; был предназначен для обхода судами мелководного Ильмень-озера. Построен в 1826–1836 для замены мелкого, проходящего по болотистой местности Сиверсова канала. Целью строительства системы было снабжение С.-Петербурга продовольствием и другими товарами, поставляемыми из Центральной России.

78.

С большой долей вероятности речь идет о Константине Федоровиче Лямине (1802–1868), сыне садового мастера Федора Федоровича Лямина (1773–1845) – солдатского сына, отданного Павлом I на обучение мастерству садовника; в 1803 Ф. Ф. Лямин принял сад на Каменном острове. Сохранилось свидетельство царскосельского полицмейстера Н. И. Цылова: «При императоре Александре I главным садовником был Федор Федорович Лямин, который по высочайшему повелению в 1814 г. переведен был из садовых мастеров Каменноостровского сада к Царскосельским садам. Государь Александр Павлович его очень любил. Во время прогулки императора по саду Лямин всегда сопутствовал Его Величеству» (Описание жизни Н. И. Цылова // Русский архив. 1907. № 8. С. 509). Известно, что сын его Константин Федорович был инженер-генерал-майором, как и сообщает А. И. Дельви́г.

79.

Вонлярлярский Евгений Петрович, граф (1813–1881) – окончил Благородный пансионат при Имп. С.-Петерб. ун-те, служил чиновником особых поручений в Воен. министерстве, перешел в ведомство путей сообщения и затем в IV отделение Собственной е. и. в. канцелярии товарищем управляющего. Действ. тайный советник, камергер, депутат дворянского собрания Царскосельского уезда (с 1849) и предводитель дворянства. С 1840 владелец усадьбы Новолисино, дер. Поги, где создал частично сохранившуюся до наших дней парковую композицию с озером в центре. Была выстроена церковь во имя Смоленской иконы Божией Матери, которую поднесли Вонлярлярскому жители Смоленска – города, из которого происходил один из его предков.

80.

IV отделение Собственной е. и. в. канцелярии было основано в 1828 для заведования благотворительными учреждениями императрицы Марии Федоровны, вдовы Павла I (так называемое Мариинское ведомство, в 1880 реорганизованное в особую Собственную е. и. в. канцелярию по учреждениям императрицы Марии).

81.

Вонлярлярский Александр Александрович (1801–1861) – крупный подрядчик по постройке шоссе и железных дорог. Владелец усадьбы Вонлярово под Смоленском, которая считается одним из историко-архитектурных памятников Смоленщины.

82.

Беловодский Константин Семенович (1804–1893) – генерал-майор с 1873.

83.

Валдайские горы – возвышенность в Северо-западной части Русской равнины, в т. ч. в Новгородской обл. Наивысшая точка – 346,9 м, протяженность более 600 км.

84.

Ям – старинное название почтовой станции с постоялыми дворами и конюшнями; так же назывались ямщицьи поселки.

85.

Покушение в Познани – 7 сент. 1843 император Николай в Познани, возвращаясь из Берлина в С.-Петербург, узнал о том, что хоронят генерала Грольмана, который был ему знаком, и пожелал отдать ему последние почести. «Он приказал экипажам ехать далее по дороге до известного пункта, а сам пошел пешком к месту похорон. Между тем, проезжая через какой-то мост, экипажи были встречены оружейными выстрелами, и 7 пуль попали именно в тот, в котором предполагали, что сидит Государь, в то время как Провидению угодно было столь дивным образом его спасти» (Корф М. А. Дневник. Год 1843-й. М., 2004. С. 283). Николай I говорил о себе как о последнем монархе Европы, который гулял без охраны. За тридцать лет его царствования на него не было совершено ни одного покушения, не считая этого инцидента в Познани.

86.

Об Иване Николаевиче Колесове говорится в первом томе «Моих воспоминаний», см. по Указателю имен первого тома.

87.

О Михаиле Николаевиче Муравьеве (Виленском) говорится в первом томе «Моих воспоминаний», см. по Указателю имен первого тома.

88.

Рейтерн Михаил Христофорович, граф (1820–1890) – министр финансов (1862–1878), председатель Комитета министров (1881–1886), выпускник Царскосельского лицея, управляющий делами Комитета железных дорог (1858).

89.

См. примеч. 7 наст. тома.

90.

О Фердинанде Ивановиче Таубе говорится в первом томе «Моих воспоминаний», см. по Указателю имен первого тома.

91.

Готман Андрей Данилович (1790–1865) – директор Института корпуса инженеров путей сообщения с 1836 по 1843.

92.

О Владимире Николаевиче Лермантове говорится в первом томе «Моих воспоминаний», см. по Указателю имен первого тома.

93.

Серебряков Аполлон Алексеевич (1811–1895) – инженер-генерал-лейтенант (1868), член Совета Главного управления путей сообщения и публичных зданий (1875–1895); окончил Институт корпуса инженеров путей сообщения (1828), исполнял должность инженера по особым поручениям при главно управляющем графе Клейнмихеле, начальник Николаевской ж. д. (к. 1850-х), инспектор эксплуатации правительственных ж. д.

94.

О Николае Богдановиче Гермесе говорится в первом томе «Моих воспоминаний», см. по Указателю имен первого тома.

95.

О Лидии Николаевне Толстой, урожд. Левашовой, и ее муже Николае Сергеевиче Толстом говорится в первом томе «Моих воспоминаний», см. по Указателю имен первого тома.

96.

Канавино (устар. Кунавино) – третий по численности район Н. Новгорода, находится в районе исторического размещения Нижегородской ярмарки.

97.

Бутурлин Михаил Петрович (1786–1860) – нижегородский воен. и гражд. губернатор с 1831 по 1843. О нем также говорится в первом томе «Моих воспоминаний», см. по Указателю имен первого тома.

98.

Панов Максим Максимович – действ. статский советник (1854), нижегородский вице-губернатор (1838–1857); ранее служил в кирасирах, перешел в гражд. службу и был назначен прокурором в г. Иркутске; выпускник Моск. университетского благородного пансиона (учился вместе с Владимиром Федосеевичем Раевским). Имел 3 дочерей и сына, из которых автор упоминает в 3 томе о Василии (обучался в Институте корпуса инженеров путей сообщения) и Анне.

99.

Прутченко Борис Ефимович (1785– сер. 1860-х) – тайный советник, вице-губернатор Рязани (1824), Костромы (1830) и потом Н. Новгорода (1831–1837); в 1837 был переведен в председатели казенной палаты. В начале 1860-х был директором департамента Гос. казначейства. Жена: Александра Максимовна Шварц; дочь Александра – жена (с 1827) барона Николая Ивановича Дельвига, брата автора.

100.

Погуляев Тимофей Гордеевич (ум. после 1839). Жена: Пелагея Федоровна. Дочь Вера Тимофеевна была замужем за Геннадием Николаевичем Виноградовым (см. след. комментарий).

101.

Виноградов Геннадий Николаевич – поручик, начальник дистанции по исправлению Нижегородского шоссе в районе I отделения VI округа путей сообщения; отец: смотритель судоходства на Волге Николай Федорович Виноградов (см. примеч 145 наст. тома); жена: Вера Тимофеевна Погуляева.

102.

Мессинг Александр Иванович (1784–1841) – статский советник, поручик л. – гв. Преображенского полка, в составе которого участвовал в Отечественной войне 1812 г. и Заграничных походах русской армии 1813–1815 гг., управляющий Нижегородского соляного правления (1826). Занесен с потомством в 3-ю часть дворянской родословной книги Нижегородской губ.

103.

Вердеревский Василий Евграфович (1800–1872) – писатель (посещал «пятницы» А. Ф. Воейкова и «четверги» Н. И. Греча), председатель казенной палаты Н. Новгорода, происходил из старинного дворянского рода, окончил Моск. университетский благородный пансион (1819), обогатился как правитель канцелярии комиссариатского департамента Воен. министерства (к. 1830-х), литературным творчеством занимался активно до середины 1830-х, дебютировав в 1816 в альманахе «Каллиопа». Печатал стихи и переводы во многих литературных журналах и альманахах. См. также след. примеч.

104.

В Н. Новгороде на окском берегу находилось приблизительно 80 деревянных казенных амбаров, в которых хранилась соль; эти амбары часто затапливались во время весенних разливов. Вердеревский продавал большие партии и списывал недостачу на непреодолимые силы природы. В 1864 вода затопила 25 пустых амбаров, в которых по бухгалтерским книгам числилась соль, и ревизия обнаружила пропажу 1,5 млн пудов соли. Суд состоялся в мае 1869, и махинаторов приговорили к лишению прав состояния и ссылке в Сибирь, но вскоре, благодаря сильным связям, Вердеревский получил разрешение поселиться в имении дочери.

105.

Погуляев Николай Тимофеевич (1821–1859) – приятель И. Аксакова, надворный советник (1849), обер-секретарь 5-го департамента Правительствующего Сената; ст. – секретарь Гос. Совета.

106.

Стремоухов Владимир Петрович (ок. 1805– после 1888) – был направлен в звании инженер-майора в Н. Новгород как опытный специалист для выполнения работ по переустройству города в подчинение П. Д. Готмана. Далее был вице-директором и директором Департамента водных путей сообщения России.

107.

Урусов Михаил Александрович, кн. (1802–1883) – генерал-лейтенант (1853), получил образование в Пажеском корпусе (1821), возведен в генерал-майоры с назначением в свиту

е. и. в. (1843), нижегородский воен. губернатор, затем витебский, могилевский и смоленский генерал-губернатор (1854), получил назначение присутствующим в моск. департаменты Сената (1856) и состоял почетным опекуном Моск. опекунского совета. Жена: Екатерина Петровна Энгельгардт (1817–1902).

108.

Благодаря наличию больших свободных пространств рядом с Зимним дворцом в царствование императора Николая I часто проводили большие воен. парады. Современникам особенно запомнился торжественный парад в честь открытия Александровской колонны 30 авг. 1834. Как писали «С.-Петербур. ведомости», в том параде участвовало: «92 340 человек войска, а именно 86 батальонов пехоты и 106 с половиной эскадронов конницы при 248 орудиях. Сверх сего на реке Неве поставлено было около 15 судов» (С.-Петербур. ведомости. 1834, 1 сент.).